

№ 2336-53

XX-18
2

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го октября.

№ 20-й.

1865 года.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

I.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ ПОСТАНОВЛЕНІЯ.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго іюля за № 3943, въ коемъ изъяснено: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день минувшаго іюля, въ измѣненіе статей Устава Дух. Конс. 22, 25, 27 и 29, Синодальнаго указа отъ 31 декабря 1852 года, а также и основанныхъ на означенныхъ статьяхъ нѣкоторыхъ законоположеній, вошедшихъ въ Сводъ Законовъ (т. XIV Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 76, т. X ч. 1 ст. 67), согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣть соизволилъ поста-

новить правиломъ: 1) о всѣхъ возвратившихся въ Православіе раскольникахъ и сектантахъ, а также о присоединенныхъ къ Православію иновѣрцахъ въ продолженіе года и окрещенныхъ Православными Священниками дѣтяхъ иновѣрныхъ родителей, церковные причты, не дѣлая о каждомъ порознь особыхъ донесеній Епархіальному Преосвященному, должны представлять ему вѣдомость однажды въ годъ, именно въ началѣ Января слѣдующаго года, за подписью всего причта, совершавшаго присоединеніе или крещеніе, и тогда же представлять Преосвященному установленныя въ 25 и 29 ст. Уст. Дух. Конс. письменныя показанія иновѣрцевъ о добровольномъ присоединеніи ихъ къ Православію и подписки иновѣрныхъ родителей о воспитаніи крещенныхъ Православными Священниками дѣтей въ Православной вѣрѣ. Примѣчаніе: Правило это не распространяется на случаи замѣчательные, равно какъ на случай присоединенія вдругъ значительнаго числа людей; о тѣхъ и другихъ случаяхъ церковные причты должны доносить Преосвященному немедленно; 2) тому же порядку слѣдовать также и въ представленіи Преосвященному отбираемыхъ отъ иновѣрцевъ, при вступленіи ихъ въ бракъ съ Православными, обязательствъ о крещенія и воспитаніи въ Православной вѣрѣ дѣтей обоюбого пола, могущихъ произойти отъ таковаго брака, за исключеніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ таковыхъ подписокъ отбирать не положено. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи объявить по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ. Августа 25 дня 1865 года.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго іюля за № 3945, въ коемъ изъяснено: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день минувшаго іюля, въ измѣненіе статей Устава Дух. Конс. 46

и 48 и Св. Зак. т. XII ч. 1, Устава строят. 206, 207, 310, 216 и 237, согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: постройку, перестройку и распространеніе соборныхъ, приходскихъ и кладбищенскихъ церквей въ городахъ, а также церковныя сооруженія въ монастыряхъ, предоставить разрѣшать самимъ Епархіальнымъ Архіереямъ. Изъ сего исключаются: 1) церкви въ столицахъ, 2) церкви древнія, т. е. построенныя вообще не позже начала 18 вѣка, или хотя и не древнія, но замѣчательныя по зодчеству или историческимъ воспоминаніямъ, 3) случаи, когда на постройку или исправленіе церкви, или на содержаніе имѣющаго быть при ней причта, по недостатку мѣстныхъ средствъ, предполагается спросить у Святѣйшаго Синода отпускъ денегъ. Во всѣхъ означенныхъ пунктахъ 1, 2 и 3 случаяхъ, на исполненіе предположеній по постройкѣ или перестройкѣ и исправленію церквей, испрашивать разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, а въ потребныхъ случаяхъ Высочайшее соизволеніе, на прежнемъ основаніи.

Примѣчаніе: Согласно съ устанавливаемымъ порядкомъ, проекты на церковныя постройки и перестройки, разрѣшеніе коихъ предоставляется власти Епархіальныхъ Архіереевъ, передавать изъ Духовныхъ Консисторій въ мѣстныя Строительныя отдѣленія при Губернскихъ Правленіяхъ, съ тѣмъ, чтобы послѣднія въ случаяхъ, превышающихъ предоставленную имъ власть по утвержденію проектовъ, сами представляли таковыя въ подлежащее Министерство, и по утвержденіи въ ономъ возвращали въ Консисторію для исполненія; по тѣмъ же постройкамъ и перестройкамъ церквей, на производство коихъ необходимо разрѣшеніе Святѣйшаго Синода, или Высочайшее соизволеніе, Епархіальныя Начальства должны вносить разсмотрѣнные въ мѣстныхъ Строительныхъ отдѣленіяхъ планы и фасады въ Святѣйшій Синодъ, на прежнемъ основаніи. О такомъ Высочайшемъ соизволеніи опъ, Г. Оберъ-Прокуроръ, предлагаетъ Святѣйшему Синоду, для зависящаго распоряженія. Приказали: (О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи объявить

по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ. Августа 25 1865 года.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго іюля за № 3944, въ коемъ изъяснено: ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу его, Г. Оберъ-Прокурора, въ 29 день іюля, въ измѣненіе статей Уст. Дух. Конс. 58 и 60 и Св. Зак. т. XII ч. 1, 244 и 245, согласно съ опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: сооруженіе вновь часовень, какъ въ селеніяхъ, такъ и въ городахъ, исключая столицъ, предоставить Епархіальному Начальству дозволить по достойнымъ уваженіямъ причинамъ, не испрашивая разрѣшенія Святѣйшаго Синода, построеніе же часовень въ столицахъ оставить на прежнемъ основаніи, т. е. не иначе допускать, какъ съ Высочайшаго соизволенія. Равнымъ образомъ предоставить Епархіальному Начальству дѣлать окончательныя постановленія объ уничтоженіи или объ оставленіи тѣхъ часовень, кои оказались бы построенными или перестроенными безъ разрѣшенія Духовнаго Начальства, а также о передачѣ обстоятельствъ самовольнаго построенія или перестройки часовни на сужденіе по законамъ, или объ оставленіи безъ преслѣдованія. Приказали: О вышеизъясненномъ Высочайшемъ повелѣніи объявить по Духовному вѣдомству печатными указами, а Правительствующему Сенату сообщить вѣдѣніемъ. Августа 25 дня 1865 года.

— По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали предложеніе Господина Синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 30 минувшаго іюля за № 3946, въ коемъ изъясне-

мѣненіемъ обстоятельствъ, обратилась къ другимъ предметамъ, болѣе ея интересующимъ (какъ на примѣръ въ послѣднее время сборы въ пользу церквей и школъ Западнаго края и на пособіе духовенству Западныхъ Епархій, пострадавшему отъ польскихъ мятежниковъ), а за симъ сказанные сборы въ пользу единовѣрцевъ нашихъ за границею, уменьшаясь годъ отъ году, сократились въ послѣдніе два года 1863—1864 до самаго незначительнаго количества, и 2) что по этой причинѣ, онъ, находя съ своей стороны дальнѣйшее существованіе таковыхъ сборовъ, какъ учрежденныхъ для предметовъ, требовавшихъ единовременной помощи, излишнимъ, полагалъ бы сборы эти прекратить, а въ замѣнъ ихъ, въ виду совершеннаго недостатка средствъ для удовлетворенія одной изъ настоятельнѣйшихъ нуждъ Отечественной Церкви, именно на содержаніе миссій, въ особенности въ отдаленныхъ частяхъ Имперіи, какъ на примѣръ въ Восточной Сибири, въ Тобольской Епархіи и въ Оренбургскомъ краѣ, гдѣ до полумилліона населенія коснѣетъ въ идолопоклонствѣ и въ виду того, что на дѣло проповѣди слова Божія между язычниками обращено сочувственное вниманіе **ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА**, Всемилостивѣйше выраженное Его Сіятельству 14 іюня сего года, сдѣлать распоряженіе объ учрежденіи при церквяхъ на время, пока будетъ предстоить въ томъ надобность, кружечнаго сбора на распространеніе Православія между язычниками Имперіи съ тѣмъ, чтобы для лучшаго успѣха такового сбора дѣло сіе было поручено особой пастырской заботливости Епархіальныхъ Преосвященныхъ, съ извѣщеніемъ ихъ о вышеизъясненномъ **Въ сочашшемъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА** вниманіи къ миссіонерскому служенію. Въ слѣдствіе сего опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода ^{4/14} минушаго іюля постановлено: 1) учрежденные при церквяхъ въ Имперіи кружечные сборы: а) въ пользу Сербскихъ церквей, потерпѣвшихъ раззореніе отъ Венгровъ, б) въ пользу гонимыхъ въ Турціи христіанъ, в) на построеніе храма во имя Св. Стефана въ г. Софіи въ Болгаріи и г) на учрежденіе духов-

наго училища и другія церковныя нужды въ Черногоріи прекратить; и 2) въ замѣнъ этихъ четырехъ сборовъ установить таковой же сборъ на распространіе Православія между язычниками въ Имперіи; но предварительно приведенія сего опредѣленія во исполненіе предоставитъ Господину Оберъ-Прокурору испросить на оное Высочайшее ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА соизволеніе. За тѣмъ Господинъ Оберъ-Прокуроръ въ предложеніи отъ 30 іюля за № 6443 изъяснилъ, что онъ имѣлъ счастье повергать изложенное опредѣленіе Святѣйшаго Синода на Высочайшее воззрѣніе, и что на оное въ 29 день того же мѣсяца воспослѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Приказали: Объ изложенномъ Высочайшемъ утвержденномъ въ 29-й день минувшаго іюля опредѣленіи Святѣйшаго Синода объявить печатными указами Московской и Грузино-Имеретинской Синодальнымъ Конторамъ, Преосвященнымъ Епархіальнымъ Архіереямъ, Главнымъ Священникамъ Главнаго Штаба ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и Арміи и Флотовъ съ тѣмъ: 1) чтобы они сдѣлали безотлагательное распоряженіе о прекращеніи въ подвѣдомыхъ имъ Лаврахъ, монастыряхъ и церквахъ кружечныхъ сборовъ: а) въ пользу Сербскихъ церквей, потерпѣвшихъ разореніе отъ Венгровъ, б) въ пользу христіанъ, на коихъ воздвигнуто гоненіе въ Турціи, в) на построеніе церкви Св. Стефана въ г. Софіи въ Болгаріи и г) на учрежденіе духовнаго училища и другія церковныя нужды въ Черногоріи, и объ учрежденіи, въ замѣнъ сихъ четырехъ сборовъ, на время, пока будетъ предостоять надобность, кружекъ, съ надписью: «на распространіе Православія между язычниками въ Имперіи»; 2) чтобы во вниманіи къ особому значенію той высокой цѣли, для которой сборъ сей предназначается и въ виду того, что на дѣло проповѣди слова Божія между язычниками въ Имперіи обращено сочувственное вниманіе ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, они имѣли особенную со стороны своей заботливость объ успѣхахъ таковаго сбора въ подвѣдомственныхъ имъ монастыряхъ и церквахъ, и 3) чтобы по-

ступающія на сей предметъ приношенія доставляемы были, по истеченіи года, въ Хозяйственное Управление при Святѣйшемъ Синода для обращенія, по усмотрѣнію Синода, согласно назначенію. Августа 28 дня 1864 года.

Е. В. выходятъ 1 и 15 | Цѣна въ редакціи 4 р., а съ
числъ каждого мѣсяца. | доставкою 5 р.

Адресоваться: въ редакцію Нижегородскихъ епархіальныхъ вѣдомостей при Нижегородской духовной семинаріи.

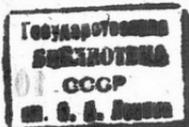

СОДЕРЖАНІЕ: Постановленія и распоряженія Правительства.—

Дозволено цензурой. 6-го октября 1865 года.

нижній-новгородъ; въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

НИЖЕГОРОДСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ

15-го октября.

№ 20-н.

1865 год.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

О ЧЕРКН

ИЗЪ ИСТОРИИ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГІИ.

(Продолженіе.)

Масляница была началомъ весны. Во времена христіанскія тутъ пришелся Великій постъ и сильно помѣшалъ языческимъ торжествамъ. Старинный праздникъ въ честь весенняго солнца долженъ былъ распасться на части, чтобы дать мѣсто посту. Одна часть его перенесена къ концу рождественскаго мясоѣда, другая ко времени Пасхи и послѣ нея.

Языческое значеніе масляницы не подлежитъ сомнѣнію. Въ этомъ пестромъ праздникѣ съ перваго взгляда на него поражаетъ причудливая смѣсь христіанскихъ обычаевъ съ грубыми, потерявшими впрочемъ всякій смыслъ остатками древняго язычества. Самыми замѣчательными обрядами масляничнаго торжества служатъ поѣзды Масляницы. Въ однихъ мѣстахъ она олицетворяется мужикомъ, кото-

раго сажаютъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго на саяхъ съ полштофомъ и блинами въ рукахъ, и съ крикомъ, пѣснями и музыкой возятъ по деревни. Въ другихъ мѣстахъ масляницу представляетъ большое дерево, увѣчанное доскутками и бубенчиками, или же деревянная и соломенная кукла большею частію въ видѣ женщины съ растрепанными волосами. Поѣзды эти въ началѣ Масляницы называются встрѣчей ея. Въ послѣднее воскресенье предъ постомъ совершаются ея проводы. Куклу, изображавшую ее, несутъ за околицу и тамъ или сожигаютъ или топятъ ее въ рѣкѣ. Во время шествія толпа оказываетъ какое-то пренебреженіе къ идолу, кидаетъ въ него комьями снѣга.

Трудно вполне опредѣлить значеніе праздника по этимъ современнымъ и искаженнымъ уже остаткамъ старины. По ѣздъ масляница на колесѣ вверху столба указываетъ на связь ея съ культомъ солнца, потому что колесо у всѣхъ народовъ было символомъ солнца. Что касается до проводовъ масляницы, до сожженія ея чучелы, то у западныхъ славянъ этотъ обычай сохранился свѣжѣе и можетъ служить къ объясненію нашего обряда. Соломенная чучела сожигается тамъ 1-го марта; значеніе ея яснѣе, чѣмъ у насъ: она прямо называется тамъ Мораною. Такимъ образомъ проводы Масляницы оказываются проводами не ея, а зимы. Болѣе ясные остатки этихъ проводовъ сохранились у насъ въ обрядахъ Красной горки, о которыхъ рѣчь впереди. На отношеніе Масляницы къ солнцу указываетъ еще обычай колядованья, сохранившійся на сѣверѣ; онъ прямо связываетъ масляницу съ праздникомъ Коляды. Колядованіе тоже вѣроятно было въ старину сборомъ матеріаловъ для общей жертвы.

Собственно говоря, масляница, какъ переходъ отъ зимы къ веснѣ, имѣетъ двойственный характеръ. Съ одной стороны она представляетъ шумный карнавалъ съ пѣснями и виномъ въ честь весны, съ другой — поминовеніе усопшихъ родителей, обрядовый маскарадъ въ честь тем-

ныхъ силъ зимы и Мораны; чучело Масляницы получило сбивчивый смыслъ; оно представляетъ и весну, которую встрѣчаютъ, и зиму, которую провожаютъ. Отъ того масляница встрѣчается съ весенними обрядами, а проводы ея напоминаютъ обряды въ честь враждебныхъ силъ. Объ этихъ обрядахъ мы еще будемъ говорить при обзорѣнн культа мертвымъ.

Въ чистый понедѣльникъ во многихъ городахъ ходятъ толпами изъ дома въ домъ ребята съ ухватами, кочергами и проч. и кричатъ: «мы масляницу прокатили, святы вечера проиграли. Свѣтъ наша масляница дорогая! Гдѣ ты ночь почевала? Подъ кустомъ на дорожкѣ. Вхали скоморошки, вырѣзали по пруточку, сдѣлали по гудочку. И вы, гудушки, не гудите; и вы Масляницу не будите.» Но хотя и прокатили Масляницу, проиграли святы вечера, весеннее торжество этимъ не оканчивается. Масляница, отодвинутая назадъ великимъ постомъ, еще прелюдія къ весеннимъ праздникамъ; она даже не ясна безъ нихъ, какъ одинъ неопредѣленный отрывокъ. Мы увидимъ весной повтореніе тѣхъ же обрядовъ, но въ болѣе полномъ и опредѣленномъ видѣ. Что великій постъ насильственно врѣзался въ средину языческаго весенняго торжества, это между прочимъ видно изъ того, что и среди поста доселѣ замѣчаются слѣды обрядовыхъ обычаевъ масляницы. На первой недѣлѣ видимъ приготовленіе блиновъ на постномъ маслѣ, которое называется ту-жилками по масляницѣ. На пятой недѣлѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ повторяется масляничное катанье съ шумомъ и гамомъ. По избамъ дѣлаются сходки для проводовъ зимы, которыя даютъ отчасти смыслъ самымъ масляничнымъ обрядамъ. Мушны и женщины выходятъ на улицу, берутъ по горсти снѣгу и бросаютъ на югъ.

Въ собственномъ смыслѣ весенняго праздника начинаются съ Марта. Мартъ, Апрѣль и Май на старомъ русскомъ языкѣ такъ и называются «пролѣтіемъ», какбы предлѣтіемъ. Съ марта въ старину начинался и самый годъ. Послѣ весенняго равноденствія подуютъ теплыя вѣтры

солнце отогрѣтъ мерзлую землю, съ горь потекутъ весеннія воды. Крестьянинъ варить общее мартовское пиво, прославленное русскими пословицами, и порывается къ дѣятельности изъ курной избы на проталинки, на чистыя поля и привольные луга. Въ избу не заманишь ни стараго, ни малаго. Всѣ живутъ на улицѣ или въ полѣ. Съ выходомъ семей изъ домашняго зимняго заключенія совершенно измѣняется характеръ деревенскаго быта. На мѣсто замкнутаго родоваго быта является общинность. Нѣтъ уже перегородовъ, отдѣлявшихъ одну семью отъ другой. На улицѣ, въ полѣ всѣ вмѣстѣ и всѣ равны. Большакъ, выйдя изъ своей избы, перестаетъ быть большакомъ и стушувывается на ряду со всѣми въ общей мірской массѣ. Общественнымъ характеромъ отличаются и праздники съ наступленія весны. Уже въ масляницѣ мы видимъ общее торжество; ѣздятъ, играютъ по улицамъ. Нѣсколько времени спустя толпа идетъ на Красную горку, которая раньше всего показалась изъ подъ снѣга, а съ красной горки прямо на улицу, чтобы соединиться въ общій хороводъ и завести общую пѣсню и общую игру. Въ богослуженіи принимаютъ участіе всѣ сообща или же выбираютъ къ нему представителей на общей сходкѣ; большакъ семейства оказывается уже не нужнымъ. Самый предметъ праздниковъ и поклоненія уже не тотъ, что зимой. Съ того времени, какъ селянинъ встрѣтитъ солнце весеннее, оно становится главнымъ средоточіемъ всѣхъ обрядовъ. Домашній культъ очагу забывается, и домовый злится, что его оставили. На мѣсто скромнаго домашняго огня на очагѣ зажигаются лѣтомъ широкіе купальскіе огни. Робкое, гадающее о будущемъ, узко-семейное зимнее празднество переходитъ въ общественное, шумное и веселое торжество наслажденія настоящими благами.

Почти у всѣхъ-славянскихъ народовъ весна встрѣчается обрядомъ закликанія. Когда растаетъ снѣгъ, шука разобьетъ хвостомъ ледъ на рѣкѣ, а птичка Овсянка запоетъ свою веснянку, — дѣвушки въ сумерки выходятъ каждая

къ своей хатѣ. Первая вышедшая заводитъ веснянку; другая отвѣчаетъ ей слѣдующимъ куплетомъ и т. д. Потомъ всѣ сходятся и запѣваютъ общую веснянку. Въ пѣ-
которыхъ мѣстахъ весну закликаютъ съ крышъ домовъ. Одни кричатъ: «красная весна. Что намъ несешь?» Другіе отвѣчаютъ: «красное лѣто; теплое лѣто». Или же для этаго выходятъ на ближайшій ходмъ и, обратясь лицомъ къ востоку, молятся; потомъ дѣвушка запѣвальщица начинаетъ закликать, держа въ одной рукѣ хлѣбъ, въ другой яйцо. Хлѣбъ и яйцо, говорятъ о жертвѣ, а самое закликаніе есть ничто иное, какъ молитва веснѣ. Вотъ образецъ этаго закликанія.

«Весна, весна красная!	Съ великою милостію.
Приди весна, съ радостію,	Уроди лень высокій,
Съ радостію, радостію,	Рожь, овесъ хорошій.»

Въ Малороссіи весну представляетъ ласточка, съ которою мальчики ходятъ по домамъ и прославляютъ весну.

Со встрѣчею весны связаны проводы зимы, смерти, Мараны, чучелу которой сожигаютъ. Въ Великороссіи обрядъ уже забытъ; но онъ когда то былъ очень распространенъ и здѣсь: Стоглавъ свидѣтельствуетъ, что въ его время въ Великій Четвергъ вездѣ «по рану солому палили.» Чучела обыкновенно бываетъ соломенная. Въ Малороссіи обрядъ сожженія чучелы сохранился вполне. Сохранилось даже имя ея—Мара или Марана. Въ объясненіе этаго обряда, остатки котораго видимъ и въ масляницу, можно привести слова пѣсни, которая при совершеніи его поется у чеховъ. Приводимъ слова изъ этой пѣсни въ переводѣ на русскій языкъ:

Уже несемъ смерть изъ веси, а новое лѣто
въ весъ. Здравствуй, любезное лѣто и обиліе
земное!

Праздникъ весны былъ самымъ радостнымъ для всей природы, какъ торжество жизни надъ смертію. Общее

повѣрье говорить, что само солнце весной радостно играет при своемъ восходѣ. Отъ дѣйствія его живительныхъ лучей всѣ стихіи получаютъ животворное, цѣлительное и очистительное значеніе. Первый весенній громъ оживляетъ растеніе, даетъ силу и крѣпость человѣческому тѣлу. Когда онъ загремитъ, нужно выйти изъ избы и подпереть спиною плетень, дерево, домъ или другой предметъ. Всѣ спѣшать умываться водой изъ подъ этаго грома, даютъ ею умываться и пить ее больнымъ. Умыванье совершается обыкновенно съ золота и серебра, имѣвшихъ, какъ мы знаемъ, связь съ свѣтилами и свѣтлыми боже-ствами, или съ куринаго яйца, которе во всѣхъ мифологіяхъ было символомъ жизни и возрожденія. Между народными припѣвами слышимъ молитвенныя возванія къ весеннему дождю; наприм. въ поволжскихъ губерніяхъ его встрѣчаютъ припѣвомъ:

«Дождь, дождь!
На бабину рожь,
На дѣдову пшеницу,

На дѣвкннъ ленъ.
Поливай ведромъ!»

Многіе нарочно выходятъ помочиться на весеннемъ дождѣ, чтобы воспользоваться его живительною силою. Почти повсемѣстно существуетъ обычай при закликаніи весны и встрѣчѣ ея купаться до восхожденія солнца, пока какъ говорятъ, воронъ необмакнулъ въ водѣ своего крыла. Воронъ, доселѣ злобщая птица, встарину причислялся къ вѣдомству темныхъ силъ. При купаньи говорятъ разныя причитанія, наприм.: «вода весенняя, здоровая! Дай и намъ здоровья.» Въ Великій Четвергъ больныхъ даже отчаянно носятъ къ какому нибудь ручью, чтобъ обмыть ихъ цѣлительной вешней водой.

Мы сейчасъ говорили объ обычаяхъ закликать весну съ возвышенныхъ мѣстъ, съ крыши или съ горъ. Горы издревлѣ и у всѣхъ народовъ были мѣстами богослуженія и религіозныхъ игрищъ; на нихъ же ставились кумиры боговъ и капища. У славянъ тоже были свои горы «свя-

тыя, лысыя, поклонныя, красныя, червоныя, гремячія» и друг. Послѣ встрѣчи весны праздникъ ея празднуется на *Красной горкѣ*. Съ этого праздника красной весны и начинаются всѣ игры и обряды лѣтняго полугодія. Прослѣдимъ главные черты характера и содержанія весеннихъ торжествъ.

«Сама природа, скажемъ словами Снѣгирева, открываетъ человѣку ошутительное сходство юности возраста человеческого съ весною, и какъ обновленіе естества начинается съ весны, такъ и юношество, вступая въ брачный союзъ, идетъ на гору; самая беременность называется горкою. Время оживленія природы, когда всѣ ея силы возвышаются и порываются къ развитію и плодотворенію, было самымъ приличнымъ временемъ для заключенія браковъ. Отсюда объясняются многіе обряды красной горки.

Идея любви и брака легла въ основаніе разныхъ весеннихъ игръ, которыя были нѣкогда не пустою забавою, какъ нынѣ, а обрядовымъ дѣйствіемъ, религіознымъ освященіемъ дѣйствительнаго факта жизни. Самая употребительная въ это время игра—*І орляки*—указываетъ на древній бракъ въ формѣ умыканія, когда по сказанію летописца, славяне «схожахуся на игрища межѣ селы, на плясанье и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкаху жены себѣ, съ нею же кто съвѣшашеся.» И доселѣ на красную горку, наряжаясь какъ можно лучше, сходятся всѣ женихи и невѣсты; бываетъ и умыканіе. Весеннія пѣсни обыкновенно сопровождаются припѣвомъ: дидь Ладо. Въ это время живаго союза между небомъ и землей, весеннихъ наслажденій и любви языческое обращеніе къ Дажбогу принимаетъ эротическій характеръ; Дажбогъ преимущественно величается Ладою. Это названіе, какъ извѣстно, перенесено и на супружество; *ладиться* въ областныхъ нарѣчіяхъ значить—*жениться*. Было даже мнѣніе, что у славянъ была особая богиня Лада, тождественная съ римскою *Suada*, покровительница свадебъ, къ

которой молодежь и обращалась съ весенней молитвой. Празднованіе весеннему солнцу, по всей вѣроятности, сопровождалось вакханаліями, слѣды которыхъ видны теперь въ этомъ подь часъ очень грубомъ весеннемъ разгулѣ.

Другая обрядовая игра весной есть сѣяніе проса. Эта игра съ ея антифонною пѣснью: «а мы просо сѣяли» играется одинаково не только повсемѣтно въ Россіи, но и въ Червонной Русии и въ Сербіи: она есть мимическій остатокъ древняго полуземледѣльческаго, полувоинственнаго быта, похищенія и выкупа невѣсть. До насъ дошло важное свидѣтельство Геродота, которое указываетъ отчасти на фактъ, лежавшій въ основѣ игры: «Одинъ изъ обычаевъ Венетовъ, пришедшихъ изъ Иллирія, говоритъ онъ, былъ тотъ, что однажды въ годъ собирались въ одно мѣсто изъ селеній дѣвнцы, достигшія лѣтъ замужества, а съ другой стороны мушины, и одна изъ лучшихъ была продаваема тому, кто больше за нее платилъ для вступленія въ бракъ.» Игра прососѣянія начинается обыкновенно цѣлый рядъ хороводовъ, продолжающійся отъ красной горки до Троицы.

«Религіозное значеніе хороводовъ, говоритъ г. Соловьевъ, и прямое отношеніе къ солнцу не подлежатъ сомнѣнію; это видно ужъ изъ самаго названія (хороводъ или короводъ отъ Короса или хорса) и изъ ихъ круговой формы.» Съ принятіемъ христіанства они утратили свой смыслъ и обратились въ обрядовую забаву, символическія дѣйствія, представленія изъ земледѣльческаго и семейнаго быта. Тутъ видимъ сѣяніе проса, льна, хрѣна, мака, бранье льна, дерганіе рѣдьки, бранье ягодъ, плетеніе плетня, вареніе пива; представляются любовная тоска дѣвушки, разные роды любви, сватовство, тоска молодежи по родицѣ на чужой сторонѣ, старый мужъ, лихая свекровь и другіе факты семейной жизни. Теперь всѣ эти символическія дѣйствія совершаются безъ всякаго отношенія къ чувствамъ лицъ участвующихъ въ игрѣ.

или хороводѣ. Но когда то эти игры и хороводы были живымъ фактомъ дѣйствительной жизни, облеченнымъ въ богослужебную форму; они выражали то, что дѣйствительно ощущалъ человѣкъ въ извѣстное время года и при извѣстныхъ семейныхъ отношеніяхъ. Въ большей свѣжести сохранилось значеніе хороводовъ, которыми чествовались различныя олицетворенія силъ природы, совершающихся около куста, изображающаго весну тучелы Мораны, около дѣвухи или другаго лица, представляющаго предметъ чествованія и т. п. Здѣсь видимъ еще слѣды чисто языческаго хоровода, богослужебной круговой пляски около самаго предмета поклоненія. Еще болѣе забыта другая сторона весеннихъ торжествъ, пѣсни хороводовъ. Большая часть нынѣшнихъ хороводныхъ пѣсней восходитъ не ранѣе XVII и даже XVIII вѣка. Они уже не имѣютъ прежняго смысла, отношенія именно къ празднуемому торжеству. Только изрѣдка пояснить смысла праздника пѣсенный припѣвъ. Кое гдѣ слово, иногда и цѣлый стихъ хранятъ смутное воспоминаніе, какой обрядъ совершался и какая пѣсня должна была пѣться при немъ во времена оны.

У всѣхъ народовъ древнихъ и новыхъ въ числѣ весеннихъ торжествъ встрѣчаемъ майскія торжества. Греки, Римляне, Евреи въ Маѣ всѣ свои дома украшали деревьями и цвѣтами. Тоже видимъ въ Германіи и Франціи въ новѣйшее время; составляются пляски около разукрашенной майской березки. Въ ночь на 1 е мая, въ Вальпургову ночь, вѣдьмы со всей Германіи собираются на гору Броккенъ или Блуксбергъ, ѣздятъ на лопагахъ, помеллахъ, превращаются въ разные образы, пляшутъ во кругъ Чортова требища и совершаютъ неистовое торжество. Самое положеніе Броккена даетъ право заключать, что тамъ во времена язычества было капище, и пляски вѣдьмъ составляютъ поэтому слѣды ночнаго сходбища для богослуженія, совершавшагося жрицами и вѣдьмами. У насъ въ Россіи не было особаго майскаго торжества: но зато у насъ есть другой такой же праздникъ. Съ той

поры, какъ рѣки послѣ половодья войдутъ въ берега, зазеленѣютъ рощи и животныя станутъ плодиться, подходить праздникъ всѣхъ духовъ плодородія и растительности, — *Семикъ* таинственный праздникъ цвѣтовъ и любви. Названіе его происходитъ отъ слова *семъ*, собраніе; поэтому онъ называется еще паствицами и стадомъ. Производятъ его еще отъ седьмой недѣли по Пасхѣ, когда онъ празднуется.

Семикъ поставляется въ ближайшее отношеніе къ масленицѣ. На лубочныхъ картинкахъ онъ принимаетъ на сляницу къ себѣ въ гости, какъ ея пріятель, и рассыпается предъ ней въ любезностяхъ и русскихъ прибауткахъ, и масленица его «за руки принимаетъ и Семика величаетъ.» Въ народѣ Семикъ величается, какъ одинъ изъ трехъ главныхъ лѣтнихъ праздниковъ.

«Какъ у насъ въ году три праздника, —
Первый праздникъ — Семикъ честной,
Другой праздникъ — Троицынъ день,
А третій праздникъ — Купальница.»

Обряды Семика почти одинаковы во всей Россіи. Все украшается цвѣтами и зеленью. Главную роль изъ растений играютъ въ это время кленъ, отъ чего вся недѣля называется клечальною, также липа и береза. Важѣйшимъ обрядомъ праздника, зеленыхъ святокъ, какъ онъ называется, служитъ торжественное шествіе въ лѣсъ и завиваніе тамъ вѣнковъ. Главными участниками обрядовъ бываютъ дѣвушки. Стройною толпою идутъ они въ лѣсъ и поютъ семицкія пѣсни, въ которыхъ видимъ остатки поклоненія растительной силѣ и деревьямъ. Одна пѣсня поеть:

«Не радуйтесь, дубья, осинушки,
Радуйтесь, бѣлыя березонки!
Идутъ къ вамъ красны дѣвушки,
Несутъ къ вамъ яшницу.»

Яшница и другія кушанья изъ яицъ приготовляются заранѣе съ обрядовыми пѣснями на общій счетъ; въ старину это была весенняя жертва деревьямъ. Вся толпа разсыпается по лѣсу, отыскиваетъ самую кудрявую березку или нѣсколько такихъ, украшаетъ ихъ лентами и цвѣтами и завиваетъ вѣнки.

Смысль завиванія вѣнковъ на кудрявой березкѣ понятенъ. Вѣнокъ въ нашихъ пѣсняхъ и обрядахъ есть символъ дѣвчества. Обрядовая пѣсня, которая поется при завиваніи вѣнковъ указываетъ намъ именно на то, что этотъ обрядъ имѣетъ прямое отношеніе къ весеннему Ладѣ -- покровителю любви и браковъ. — «Подъ липенькой столъ стоитъ»; за тѣмъ столемъ сидитъ дѣвица, рветъ цвѣты, вьетъ вѣнки и пр..

«Кому вѣнокъ износить?»	Кому вѣнокъ износить?
Носить вѣнокъ старому; —	Носить вѣнокъ милому; —
Старому вѣнокъ не споситъ,	Милому вѣнокъ износить,
Мою молодость не сдержатъ.	Мою молодость содержать.»

И другія пѣсни тоже эротическаго содержанія; они показываютъ, что вѣнки завиваются для гаданія именно о милomъ ладѣ, свекрѣ, свекрови. Завиваніе совершается парами; каждая пара, завивъ вѣнокъ, кумится, цѣлуется сквозь вѣнокъ и мѣняется яицами. Смысль обряда станетъ понятенъ, если прибавимъ, что въ пѣкоторыхъ мѣстахъ мѣняются съ яицами еще кольцами. Въ хороводахъ Семика самая употребительная игра — это въ жениха и невѣсту, оканчивающаяся расплетаніемъ косы. Праздникъ цвѣтовъ естественно переходилъ въ праздникъ любви и брачнаго торжества,

Завитые вѣтки остаются на деревѣ, и вся толпа предается веселію и совершаетъ обрядовое пиршество въ лѣсу. Послѣ обрядовъ возвращаются домой, неся съ собой разукрашенную березку, которая дѣлается предметомъ особеннаго чествованія, какъ олицетвореніе весны. Дѣвушка за пѣвальщица дѣлаетъ предъ нею возліаніе во-

дою. Около нея же составляются хороводы. Въ малорос-
си весну представляла прежде нарочно сдѣланная кукла;
въ нѣкоторыхъ изъ внутреннихъ губерній ее представля-
етъ выбранная дѣвушка, которая называется Костромою
или Ладюю. Названіе Кострома — Кустъ — явно сближаетъ
ее съ седмицкою березкою.

Всѣ эти олицетворенія весны повторяются въ *троицѣнъ*
день, который составлялъ нѣкогда окончаніе языческаго Се-
мика. Въ хороводныхъ пѣсняхъ оба они воспѣваются вмѣ-
стѣ. «Ю, ю, великъ да Троица» — составляютъ обычный
припѣвъ этихъ пѣсенъ. Обряды Троицына дня строго со-
отвѣтствуютъ обрядамъ Семика. Тамъ завивали вѣнки; те-
перь ихъ развиваютъ. По вѣнкамъ, оставленнымъ на бе-
резкѣ, гадаютъ о счастьи супружествъ. Засохшій вѣнокъ
предвѣщаетъ несчастіе. Домой возвращаются въ новыхъ
вѣнкахъ, при чемъ поется пѣсня, указывающая на значе-
ніе вѣнковъ:

«Я въ вѣночкѣ, я въ зеле-
ночкѣ

Ищуль я ищу ласкаваго
ладу.

Хожу гуляю по городочку;

Добрый молодчикъ, будь мо-
ей ладой!»

Или: ищу я ласковаго тестя, ласковую тещу, ласкова-
го шурина, ласкову^ю своячину и проч. Оборвавъ съ бере-
зы завитые вѣнки, гадаютъ, бросая ихъ въ воду; предметъ
гаданія — долготіе или выходъ замужъ. Потонувшій вѣ-
нокъ предвѣщаетъ несчастіе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ па-
рень старается вытащить изъ воды вѣнокъ любимой дѣ-
вушки, послѣ чего онъ можетъ смѣло начать сватовство.

Въ разныхъ мѣстахъ всѣ эти обряды совершаются въ
разныя времена между Семикомъ и первымъ воскресень-
емъ послѣ троицы. Индѣ завиваніе и развиваніе вѣнковъ
даже удваивается — въ Семикѣ и въ Троицу. По окон-
чаніи праздника семицкая березка выносится за околицу,
что обозначаетъ проводы весны. Эти проводы соверша-
ются и надъ другими олицетвореніями весны: совершается

погребеніе Костромы и Лады. Для этаго дѣвушки, одѣвшись въ простыя платья, идутъ къ рѣкѣ и бросаютъ свою подругу, представляющую Кострому или Ладу, въ воду; по томъ и сами бросаются за ней, чтобы искупаться въ послѣдней весенней водѣ. Мы знаемъ уже, какое благотворное значеніе имѣла вешняя вода. Такое же значеніе приписывали и другимъ предметамъ весенняго культа. Цвѣты и травы троицкія хранятся, какъ предохранительное средство отъ недуговъ. Въ древности въ это время ходили въ священные роши, сичмали кору съ дубовъ, березы или липы для уврачеванія ранъ. Больныхъ спиной водили въ рошу и тамъ для исцѣленія по больной спицѣ топтали погами.

(Продолженіе будетъ.)

НАЧАЛО И РАСПРОСТРАНЕНІЕ РАСКОЛА

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ НИЖЕГОРОДСКИХЪ.

(Продолженіе.)

Положеніе низовской земли при великомъ водномъ пути, при берегахъ Оки и Волги представляло все удобства для недовольныхъ разнаго рода, ходившихъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, и болѣе всего тамъ, гдѣ мѣстоположеніе было наиболѣе благопріятно и для странствованія и для укрывательства отъ закона, преслѣдовавшаго этихъ бродягъ. Бунтовавшіе казаки и буйныя шайки разбойниковъ мѣстомъ своего дѣйствія избирали почти всегда берега Волги. Этими мѣстами, столь благопріятными для всякаго рода вольницы, не замедлили воспользоваться и раскольники. Низовская земля кромѣ того, что находилась при огромномъ водномъ бассейнѣ, служившемъ большою дорогою для бродившихъ шаскъ, имѣла предъ другими мѣстами еще и то преимущество, что сплошь была покрыта

большими лѣсами и во многихъ мѣстахъ, особенно по лѣвому берегу Волги, непроходимыми болотами. Здѣсь были глухіе лѣса салавирскіе (въ ардат. и горбат. уѣздахъ) — отрасль знаменитыхъ лѣсовъ муромскихъ; лѣса полемскіе или Керженскіе (въ семеловск. уѣздѣ); лѣса чернораменскіе (въ балахнинскомъ уѣздѣ). Эти то лѣса и служили самымъ удобнымъ мѣстомъ для укрывательства раскольниковъ. Въ нихъ и особенно въ Чернораменьѣ, были такія мѣста, въ которыя не знающій человекъ не могъ ни коимъ образомъ проникнуть. Такъ изъ донесенія поручика Полозова, посланнаго въ Нижегородскую губернію собирать съ раскольниковъ деньги за поставку рекрутъ, видно, что изъ показанныхъ по переписи 1717 г. 2405 раскольниковъ, въ 1740 онъ нашелъ на лицо только 124 человека, и изъ этихъ 124 могъ собрать только 74 человека, а остальныхъ, съ которыхъ слѣдовало взять деньги «не сыскано, да и сыскать ихъ никакъ невозможно, понеже кельи ихъ находятся въ великихъ болотахъ и топяхъ» (132). Раскольники знали эти мѣста, знали какъ и пройти въ нихъ и потому селились здѣсь безпрепятственно. Число ихъ все болѣе и болѣе умножалось, потому что сюда бѣжали изъ всѣхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ только являлась власть, преслѣдовавшая раскольниковъ. Такъ, мы видѣли, что сюда прибылъ Соловецкій монахъ Арсеній, бѣжавшій изъ осажденнаго царскими войсками Соловецкаго монастыря и основалъ здѣсь скитъ Шарпанскій, — и Онуфрій, тоже выходецъ изъ Соловецкаго монастыря. По преданію онъ прибылъ сюда въ 1677 году и былъ живъ въ первыхъ годахъ XVIII столѣтія (133). Въ теченіе 30 или 40 лѣтъ со времени основанія шарпанскаго скита, керженскіе лѣса наполнились скитами такъ, что вмѣсто одного шарпанскаго скита ихъ насчитывалось 94. Въ керженскіе скиты бѣжали и преступники всякаго ро-

(132) Ш. С. З. т. XI № 8175.

(133) Есип. раск. дѣла XVIII стол. ч. I стр. 250—251, ч. II стр. 260.

да и находили здѣсь себѣ убѣжище, — «преступники изъ шляхетства или изъ знатнаго московскаго и другихъ городовъ купечества, или изъ подрядчиковъ, которые, забравъ изъ государственной казны въ подряды многую сумму бѣжали, и живутъ въ тѣхъ мѣстахъ» (134). По прекращеніи стрѣлеческихъ казней въ керженскіе скиты бѣжали многіе стрѣльцы и стрѣльчихи (135). Такого рода бѣглыми преступниками наполнены были скиты нижегородскіе (136). Нижегородская губернія въ началѣ XVIII столѣтія до того наполнилась раскольниками, что въ 1748 году ихъ насчитывалось болѣе 200 тысячъ, и не смотря на такую значительную цифру число ихъ все болѣе и болѣе увеличивалось (137). Такому наплыву раскольниковъ въ Нижегородскіе предѣлы способствовало еще и то, что здѣсь существовала извѣстная Макарьевская ярмарка. На эту ярмарку стекалось множество народа изъ разныхъ мѣстъ Россіи. Расколуучители, разумѣется, не могли не пользоваться стеченіемъ сюда народа, прибывали сюда изъ разныхъ мѣстъ съ проповѣдію о расколѣ и, при содѣйствіи туземныхъ нижегородскихъ расколуучителей, разсѣивали здѣсь сѣмена раскола. Особенно дѣятельны были расколуучители въ первыя времена раскола; они ходили вездѣ, посѣщали преимущественно тѣ мѣста, которыя были многолюдны и представляли наибольшую жатву для раскола. Такимъ образомъ Нижегородская область сдѣлалась преимущественно сборищемъ раскольниковъ, такъ сказать, гнѣздомъ раскола, и не только сама была наполнена раскольниками, но и высылала своихъ расколуучителей въ другія мѣста. По отношенію къ южнымъ губерніямъ, лежащимъ отъ Нижняго внизъ по теченію Волги, Нижегородская область по справедливости можетъ назваться разсадникомъ раскола. Нижегородскіе расколо-

(134) П. С. З. т. XI № 8845.

(135) Есип. ч. II стр. 264.

(136) Шап. Русск. Раск. стр. 276. Есип. ч. II стр. 264. (861)

(137) Есип. раск. дѣла ч. II стр. 213. (861)

учители не довольствовались распространением раскола во время ярмарки, но ходили съ своею проповѣдію и въ другія страны. Мы видѣли, что вся почти Волжская торговля находилась въ рукахъ раскольниковъ. На купеческія суда, ходившія изъ Нижняго внизъ по Волгѣ, нанимались люди всякаго рода, были между ними и расколу-учители, которые и распространяли расколъ по низовымъ губерніямъ. Въ 1736 году мы видимъ Нижегородскихъ раскольниковъ даже на Уралѣ, на заводахъ Демидовыхъ и Осокиныхъ. И такъ они были причиною того, что заразили рабочій народъ расколомъ (138). Дѣятельность Нижегородскихъ раскольниковъ въ дѣлѣ распространения раскола по другимъ губерніямъ была до того успѣшна и опасна, что правительство сочло пужнымъ запретить Нижегородскимъ раскольникамъ выѣздъ въ другія губерніи. «Раскольникамъ, обрѣтающимся въ Нижегородской губерніи (въ чернораменскихъ лѣсахъ) въ скитахъ, печатныхъ паспортовъ давать не надлежитъ, ибо оныя, имѣя тѣ паспорта и произходя въ другихъ губерніяхъ и провинціяхъ, правовѣрныхъ оудуть прельщать и отъ вѣры христіанской къ своему суемудрію отвращать, или съ тѣми пашпортами уходить за рубежъ» (139).

СНОШЕНІЯ И СВЯЗЬ НИЖЕГОРОДСКИХЪ РАСКОЛЬНИКОВЪ СЪ РАСКОЛЬНИКАМИ ДРУГИХЪ МѢСТЪ.

Нижегородскій расколъ питался и поддерживался не одними только своими мѣстными средствами, Нижегородскіе раскольники часто сносились съ раскольниками другихъ мѣстъ. Такъ у нихъ были сношенія съ Поморцами, Выговцами, Вѣткою, Стародубьемъ, Москвою—Рогожскимъ и Преображенскимъ кладбищами. Раскольниковскіе скиты и толки хотя были и несогласны во многихъ пунк-

---

(138) П. С. З. т. X, № 7662.

(139) П. С. З. т. VIII № 6134.

тахъ своего ученія, хотя были и противоположны между собою, какъ поповщина и безпоповщина, — во враждѣ на святую православную церковь были всё между собою согласны ⁽¹⁴⁰⁾ и помогали другъ другу, кто чѣмъ могъ. Такъ Андрей Денисовъ, послѣдователь секты безпоповцевъ, писалъ отвѣты для діаконовцевъ, — поповцевъ. Этимъ-то сношеніямъ раскольническія общины и обязаны своею внутреннею силою и крѣпостію, которыя и давали имъ возможность выносить борьбу съ Церковію и правительствомъ.

Сношенія и связь керженскихъ раскольниковъ съ поморьемъ начались весьма рано. Едва только основалась Выговская пустыня (въ 1693 г.) и начала населяться, въ ней начали являться и Нижегородскіе раскольники. Изъ первыхъ раскольниковъ — Нижегородцевъ, поселившихся въ Выговскій пустыни, болѣе другихъ извѣстны: Прокопій Нижегородскій и Иванъ Акиядиновъ. «Инокъ отецъ Прокопій былъ великаго пустыннаго житія мужъ», говоритъ о немъ историкъ выговской пустыни ⁽¹⁴¹⁾. Этотъ Прокопій постригся въ монашество 17 лѣтъ и жилъ сначала въ монастыряхъ Нижегородской губерніи, потомъ пришелъ въ Новгородскую губернію и жилъ здѣсь въ послушаніи у Тихвинскаго игумена Досеоя. Едва только появились новоизданныя книги и начали вводиться при церквахъ, Прокопій удалился въ Курженскую пустыню, а потомъ на Керженецъ. Съ Керженца онъ опять ходилъ на поморье и, проживъ здѣсь немного времени, отправился снова на Керженецъ, «и тамо живяше въ лѣсахъ до умноженія нашедшихъ старовѣрцевъ, многихъ разгласій и починками наченшихъ жити, и видя отецъ Прокопій многія споры и разгласія и всякія слабости житія» ⁽¹⁴²⁾, удалился въ Выговскую пустыню. Эти путе-

(140) Андр. Иоан. т. IV, стр. 227.

(141) Ист. Выг. пуст. стр. 128.

(142) Тамъ же стр. 129.

шествія Прокопія взадъ и впередъ не могли не имѣть вліянія на керженскихъ раскольниковъ. Они способствовали усиленію на Керженцѣ раскольническихъ Поморскихъ мыслей и обычаевъ и поддерживали между ними связь. Нижегородецъ Иванъ Акипдиновъ, по всей вѣроятности, пользовался у Выговцевъ большимъ уваженіемъ, какъ знатокъ и ревнитель древле-церковнаго благочестія. Онъ, вмѣстѣ съ Мануиломъ Петровымъ, посланъ былъ на состязаніе съ іеромонахомъ Неофитомъ (143). Въ свою очередь и поморскіе раскольники посѣщали керженскіе лѣса. Андрей Денисовъ, какъ мы видѣли, путешествовалъ въ Нижній и собиралъ на Керженцѣ книги и кресты. Кромѣ Денисова путешествовали въ нижегородскія пустыни и другіе поморцы. Такъ напр., пѣкть Семенъ Іовлевъ отправился «съ братьями въ новолгскую страну въ нижегородскія пустыни и живаше съ тамошними старцами и со отцами въ скитахъ, поучаше ихъ о благочестіи и службу церковную имъ отправляше, понеже грамотѣ умѣющъ и искусенъ и тщателенъ къ церковной службѣ, весь уставъ и чинъ церковный знаеше» (144). Выговцы сносились съ керженцами и по торговымъ дѣламъ. Такъ по случаю голода, бывшаго на Волгѣ, раскольники «послаша Андрея Діонисіева и съ нимъ своихъ людей для промыслу хлѣбнаго въ Нижнее по Волгѣ, понеже въ то время тамъ весьма хлѣбъ дешевъ былъ, четверть въ двѣ гривны» (145).

Не менѣе часты были сношенія Нижегородцевъ съ Вѣтковцами и Стародубовцами. Этимъ сношеніямъ способствовало то, что керженскіе скиты, въ духовномъ отношеніи, находились въ зависимости и подчиненіи отъ Вѣтки и Стародубья (146). Вѣтковцы имѣли значеніе въ

(143) Ист. Выг. пуст. стр. 173.

(144) Тамъ же, стр. 340.

(145) Тамъ же стр. 109.

(146) Есип. раск. дѣла ч. II стр. 261.

глазахъ всѣхъ послѣдователей поповщины потому уже, что имѣли свою церковь и совершали въ ней богослуженіе по старымъ книгамъ (147). Особенное значеніе получила Вѣтка съ 1695 г., съ того времени, когда вѣтковцами управлялъ попомъ Ѳеодосій. Иеромонахъ Ѳеодосій былъ послѣдній священникъ стараго крещенія и оставленія, рукоположенный будто бы самимъ патриархомъ Іосифомъ» (148). Держась раскола, онъ бѣжалъ изъ города Рыльска на Донецъ (149), былъ здѣсь схваченъ и представленъ въ Москву. Патриархъ Іоакимъ увѣщевалъ его обратиться къ православію, но Ѳеодосій оставался непреклоннымъ въ своемъ заблужденіи и за это былъ заточенъ въ Кирилловъ Бѣлоозерскій монастырь. «Отсюда при помощи керженскихъ раскольниковъ, онъ успѣлъ бѣжать на Керженецъ. Съ Керженца онъ переселился въ Калугу, и отсюда уже, по просьбѣ вѣтковцевъ, отправился на Вѣтку» (150).

Этотъ Ѳеодосій пользовался у керженцевъ особеннымъ уваженіемъ и властію, примирялъ ихъ распри, рекомендовалъ священниковъ, посылалъ причастіе и миро, сваренное имъ самимъ, и вообще обращался съ керженцами какъ настоятель, какъ власть имѣющая, какъ это видно изъ его посланія, писаннаго имъ Керженцамъ. Мы сдѣлаемъ здѣсь нѣкоторые выдержки изъ этого посланія, изъ которыхъ видно будетъ, какое имѣлъ вліяніе и какую власть присвоивалъ себѣ Ѳеодосій надъ раскольниками поповщинскаго согласія. Онъ такъ обращается къ нижегородскимъ скитникамъ: «благосочетанному вашему собору, священноинокомъ Герасиму, священноіерею Тихону, иноку схимнику Сергію, старцу Павлину, старцу Іакову,

(147) Церковь на Вѣткѣ основана Іоасафомъ, ок. 1693 года.

(148) Ист. рас. пр. Мак. стр. 295.

(149) Тамъ же.

(150) Іоанн. полн. ист. извѣст. о раск. ч. 1 стр. 86.

старцу Елисею, старцу Θεодосію, старцу Пахомію, старцу Варлааму, старцу Іосифу, иноку Павлу, иноку Іонѣ, иноку Варсонофію, и прочимъ инокамъ и инокинямъ, начальствующимъ скитамъ, старицѣ Евфиміи, старицѣ Настасіи, старицѣ Марѣѣ, и прочимъ съ подначальствующими, и всѣмъ дѣтямъ моимъ духовнымъ со благословеніемъ поклоненіе». Вслѣдъ за этимъ привѣтствіемъ укоряетъ керженцевъ за возникшія между ними несогласія, особенно по поводу новинъ, введенныхъ діакономъ Александромъ и попомъ Димитріемъ. Діаконъ Александръ ввелъ каждеііе крестообразное и училъ почитать крестъ четвероконечный. «И мы на тое уставное каждеііе выпы и пороку не полагаемъ, пишетъ Θεодосій, и не ругаемъ.... и то ихъ каждеііе крестообразное буди въ каждеііе и святыню.... Нынѣ же совѣтуемъ вамъ, чтобы священникамъ Герасиму, Тихону и Димитрію, и діакону Александру отселѣ перестать тако кадить и кадить бы по древнему церковному обычаю ради умиренія и соединенія церковнаго.... и прочетше наше сіе посланіе обще передъ всѣми, примиритесь и согласитесь во едино, и проститесь между собою.... по прежнему и отъ насъ смиренныхъ прошеніе пріимите. А что о Софонтіи пошѣ отъ васъ прислано писаніе, отъ его лица прошенія проситъ отъ насъ и соединяется къ церкви, и мы о томъ писаніи сомнѣваемся, что руки его самаго нѣту того писма, и намъ не вѣрно учинилося писаніе то. И азъ отецъ Θεодосій дѣтямъ моимъ духовнымъ благословенія не даю итти къ тому Софонтію, и принимати его во священника не велю, потому что онъ причастія отъ церкви нашея, и отъ насъ смиренныхъ не требуетъ.... Еще и то сказываетъ онъ, что и людей жигаль, и оное творить не по уставу церковному.... Къ Герасиму поцу благословляю итти на духъ, и всякую святыню ему исправляти, того ради, что въ писаніи, къ намъ присланномъ и рука его приложена, что отъ насъ смиренныхъ прошенія проситъ и благословенія требуетъ,.... мы же послахомъ къ нему тайнствъ... и согласитесь вси вкупѣ, о чемъ наше писаніе къ вамъ надлежитъ, и будете согласны вси во едино, безъ вся-

каго раздѣленія, и противу нашего писанія послушны будете: тогда и вамъ преподается тѣло отъ престола пречистыя Богородицы, честнаго и славнаго ея Покрова, нашея православныя церкви. Благословляю и вамъ взять азъ священный отецъ Θεодосій, и отецъ Александръ у священника Герасима, или у попа Димитрія» (151). Изъ этого писанія видно также, что попъ Димитрій и діаконъ Александръ путешествовали на Вѣтку, и попъ Θεодосій обошелся съ ними довольно снисходительно, потому что позволяетъ керженцамъ брать причастіе у попа Димитрія. Не меньшимъ почетомъ пользовался и Стародубовскій попъ Патрикій, «человѣкъ въ высшей степени хитрый и пронырливый. Онъ самъ принадлежалъ къ діаконскому согласію, и во всей діаконщинѣ пользовался такою властію и славою, какой ни прежде ни послѣ него никто не имѣлъ» (152). «Патрикій (153) попъ славнѣе (Θеодосія) діаконщину содержалъ, и посланія важнѣе отъ себя къ нимъ разослалъ. Онъ и за границу и внутри народомъ почти одинъ управлялъ. Ежели гдѣ требовались попы, онъ своею аппробациею вездѣ оныхъ разсылалъ. Слава о немъ протекала во всей поповщинѣ безмѣрная, и дѣла по всей діаконщинѣ звисѣли отъ его рѣшенія, честь отъ народа имѣлъ онъ апостольскую, какой ни прежде ни послѣ никто не видывалъ, все сіе снискалъ онъ происками, лицемѣрствомъ и отмѣнною сановитостію, каковою природа одарила его, бѣлые волосы и борода его едва не до колѣнъ доставали. Нраву былъ онъ скрытнаго и злаго, остороженъ, проникателенъ, высокоумренъ и самолюбивъ, словомъ: поповщина толь хитраго попа у себя никогда не имѣла» (154).

Сношенія керженцевъ съ Москвою начались гораздо ранѣе сношеній съ поморцами и вѣтковцами. Мы видѣли,

(151) Андр. Іоани. ч. IV. стр. 233—237.

(152) Ист. раск. пр. Мак. стр. 308.

(153) Дѣятельность Патрикія относится къ 1740 году.

(154) Андр. Іоан. ч. IV, стр. 238.

что первые расколуучители не рѣдко бывали въ Москвѣ. Одинъ изъ нихъ, Сергій, участвовалъ въ стрѣлецкомъ бунтѣ и отъ самыхъ раскольниковъ стяжалъ славу, «какъ великій ревнитель по древле-церковныхъ законѣхъ, яко второй Илія» (155). Со времянь первыхъ расколуучителей, т. е. со времянь Никова, сношенія керженцевъ съ Москвою не прекращались. Напротивъ, они все болѣе и болѣе усиливались, и керженцы до времени основанія Рогожскаго и Преображенскаго кладбищъ, пользовались въ Москвѣ большимъ вліяніемъ. Керженскіе раскольники отиравлиали въ Москвѣ должность чтецовъ и уставщиковъ. Изъ раскольниковскихъ дѣлъ видно, что въ началѣ XVIII стол. сношенія керженцевъ съ москвичами были особенно часты. Около 1713 года у общества Московскихъ раскольниковъ не было попа. Одинъ старецъ керженскихъ скитовъ, трудникъ Иванъ Викулинъ, читалъ москвичамъ псалтырь, молитвы и каноны. Этого трудника Ивана Викулина «все Московскіе раскольники особенно чтили и уважали—онъ былъ лично извѣстенъ и керженскимъ старцамъ учителямъ» (156). Когда Московскіе раскольники сманили въ 1715 году Коломенскаго, Воскресенской церкви, попа Якова, то и здѣсь дѣло не обошлось безъ Ивана Викулина и керженскихъ учителей. Когда попъ Яковъ былъ представленъ обществу Московскихъ раскольниковъ оно рѣшило: «отправить Якова съ трудникомъ Иваномъ Викулинымъ въ Нижегородскіе скиты спросить у учителей: годится ли къ намъ для отправленія службъ и потребъ попъ Яковъ? Въ слѣдствіе этого рѣшенія Викулинъ и Яковъ отправились въ Нижній къ тамошнимъ настабникамъ старцамъ Макарію и Досноєю съ письмомъ отъ Московскихъ раскольниковъ. Вотъ разсказъ Якова о своемъ пребываніи въ керженскихъ скитахъ.

(155) Три чел. стр. 74.

(156) Есип. раск. дѣла XVIII ст. ч. I, стр. 190 191.

«И тѣ старцы (керженскихъ скитовъ) пріавъ пшсьмо отъ Москвичъ Дѣева (Московский посадскій челоувѣкъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ у Московскихъ раскольниковъ) съ товарищи и прочетъ ему Якову приказали готовиться къ исповѣди и во всеношное бдѣніе праздника Срѣтенія Господня въ кельѣ, въ чуланѣ, старецъ Досифей его Якова исповѣдалъ по старопечатному требнику и по исповѣди предъ крестомъ осмиконечнымъ клятвенно его отрекалъ не вѣровагъ и ни какихъ потребъ по новопечатнымъ книгамъ не отправлять и на 5 просфарахъ не служить и въ вѣчаніи бракомъ и въ крещеніи младенцевъ и велико-возрастныхъ переправливать по старопечатнымъ же книгамъ, и кругъ радованія творить по солнцу и персты слагать первый палець съ двумя послѣдними, какъ въ молитвѣ, такъ и въ благословеніи. И оиъ Яковъ клятвенно отъ того отрекся и по приказу оное все чинить обѣщался и потомъ отверженіи крестъ поцѣловалъ и жилъ у нихъ старцовъ первую недѣлю великаго поста и въ первую субботу на первой седмицѣ оной Досифей съ скитскими трудники и его Якова причастилъ въ кельѣ своей и по причащеніи въ первое воскресеніе отпустилъ его Якова въ Москву давъ ему благословеніе и приказалъ ему во всемъ слушать Ивана Викулина и въ Москвѣ де что оиъ Викулинъ повелитъ отправлять то и творить и во всемъ буди ему послушенъ (говорилъ Досифей) и у раскольниковъ отправляй потребности по нашему благословенію (157). Такимъ образомъ Нижегородцы отдали попа Якова подъ надзоръ Викулина. Этотъ послѣдній снабжалъ Якова и причастиемъ и муромъ, которыя у него хранились.

Въ свою очередь и Нижегородскіе раскольники въ важныхъ дѣлахъ просили совѣта у Москвичей. Такъ, по поводу собора, бывшаго на Онуфрія изъ-за писемъ Аввакума, Нижегородцы сносились съ Москвичами и требо-

(157) Есип. раск. дѣла XVIII ст. стр. 191.

вали у нихъ совѣта въ столь важномъ для раскольниковъ дѣлѣ. Московскіе раскольники дѣйствительно послали въ Керженскіе лѣса посланіе, въ которомъ просили отвергнуть письма Аввакума и оставить всякое разгласіе, потому что это разгласіе имѣло весьма вредное вліяніе на раскольническія общины. Прежде всего возвѣщаемъ вамъ, писали Москвичи, нынѣшняго настоящаго времени житія молвы и печали и скорби и туги: приспѣвши бо до насъ, и приходятъ неутѣшимыя волны мирскія; и всякое неустройство случися грѣхъ ради нашихъ, якоже и сами вы отцы святіи не невѣсте нашего житія мятежь и обуреваніе. Сугубыя бѣды и напасти, душевныя и тѣлесныя и въ житіи неустройство и вѣры разгласіе, паче же въ насъ христіанѣхъ искателей благочестія вѣры, видится мятежь и не любовь велика промежь своими единовѣрными (158). Не смотря на увѣщанія мосвича, Онуфрій еще надолго остался жаркимъ послѣдователемъ Аввакума.

Съ половины XVII столѣтія Керженцы мало по малу начали терять свое значеніе и власть надъ Московскими раскольниками. Съ основаніемъ Московскаго Θεодосіевскаго Преображенскаго кладбища, т. е. съ 1771 года Московскіе раскольники получили особенное значеніе въ глазахъ раскольниковъ другихъ мѣстъ. Этому весьма много способствовали огромныя богатства, скопившіяся въ рукахъ общества Московскихъ раскольниковъ. Благодаря дѣятельности Ковылина, — основателя Преображенскаго безпоповщинскаго кладбища, всѣ Θεодосіевскія общины вошли въ зависимость отъ Москвы. Такимъ образомъ раскольники — Θεодосіевцы Ярославскіе, Симбирскіе, Казанскіе, Нижегородскіе и другихъ мѣстъ должны были подчиниться Московскому Преображенскому кладбищу (159). Равнымъ образомъ и раскольники поповщинской секты, особенно Нижегородскіе, встали въ нѣкоторую зависи-

---

(158) Есн. раск. дѣла ч. II стр. 232.

(159) Ист. раск. пр. Мак. стр. 273.

мость отъ Рогожскаго кладбища, особенно когда согласились принять муро сваренное Рогожскими раскольниками (160).

Эти постоянныя сношенія раскольниковъ между собою и были причиною того, что раскольническія общины постоянно развивались и крѣпли, находя въ этой взаимной поддержкѣ исвыя силы для протіводѣйствія церкви и правительству.

Е. Лебедева.

1865 года

Апрѣля 17-го.

ДУХОВНЫЕ ЖУРНАЛЫ ВЪ 1864 ГОДУ.

СТРАННИКЪ

МѢСЯЦЫ ГЕНВАРЬ—ДЕКАБРЬ.

Продолженіе.

Въ статьѣ «о нравственномъ вліяніи священника на простой народъ», Г. Николая Ивановскаго (Странникъ—Октябрь) рѣшается вопросъ о томъ «могутъ-ли наши пастыри, при извѣстной степени умѣнья и усердія, приобрести вліяніе надъ умами и сердцами народа, и если могутъ, то какими, по преимуществу, путями»... «Есть мысль, говоритъ Г. Ивановскій, и она довольно распространена, что тяжелыя историческія обстоятельства, гнетущія нѣсколько сотъ лѣтъ простой нашъ народъ сдѣлали его сердце грубымъ и нечувствительнымъ, убили въ немъ ту мягкосердечность, какая свойственна всѣмъ сла-

вянскимъ народамъ, и взамѣнъ того сильно развили въ немъ нѣкоторые грубые пороки, какъ на примѣръ, пьянство, жестокое обхожденіе съ женою и дѣтьми и т. п. Сами духовные часто жалуются на упорство простаго народа въ извѣстныхъ слабостяхъ и порокахъ. «Нашему мужику хоть говори, хоть нѣтъ, онъ все дѣлаетъ по своему, и никакія слова, никакія кроткія мѣры не въ состояніи отучить его отъ пьянства, отъ неприличныхъ словъ, отъ грубаго обхожденія съ семействомъ—особенно въ пьяномъ видѣ. Сколько проповѣдей ни читай ему о святости праздничныхъ дней, онъ все-таки напьется, прибьетъ жену и дѣтей.» «Правда ли это? Правда ли, что нашъ простолюдинъ на столько огрубѣлъ въ своихъ дурныхъ привычкахъ, что его сердце остается нечувствительно къ добрымъ внушеніямъ пастыря, и на столько ожилъ и полюбилъ эти привычки, что не чувствуетъ всей ихъ мерзости?» (стр. 2).

«Наблюдатели народной жизни очень часто ошибаются въ опредѣленіи народнаго характера и на степень общихъ свойствъ возводятъ то, что составляетъ не болѣе какъ частное свойство нѣсколькихъ лицъ. Вотъ почему и у насъ до настоящей поры не всё одинаково смотрятъ на нашъ народъ, и говоря о русской народности, не всё усвояютъ ей одинъ и тотъ же смыслъ. Одни называютъ «этотъ народъ смышленнымъ, прямымъ, мягкосердечнымъ, привязаннымъ къ вѣрѣ; другіе утверждаютъ, что это грубая и глупая масса, безучастная къ своему развитію, холодная къ вѣрѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ суевѣрная. Тѣ и другіе представляютъ множество случаевъ для подтвержденія своего взгляда. Очевидно, что тѣ и другіе судятъ по отдѣльнымъ случаямъ, и потому выставляютъ на видъ только частныя стороны народной жизни, не сообщая понятія о его общемъ настроеніи» (стр. 3—4).

Общимъ настроеніемъ русскаго народа, существенною чертою его характера авторъ считаетъ «религіозность», воспитывавшуюся въ немъ ходомъ историческихъ событій.

«Любовь къ вѣрѣ, говоритъ онъ, составляла основу будущаго развитія нашихъ предковъ. Всѣ историческія обстоятельства способствовали къ возвышенію и укрѣпленію этой любви. Полчища монголовъ опустошительнымъ ураганомъ пронесли по русской землѣ, и разрушили всѣ основы гражданской жизни. Жестокія бѣдствія, какія принесъ съ собою мечъ варваровъ, побудили нашихъ предковъ искать утѣшенія въ вѣрѣ. Молитва и дѣла благочестія естественно служили успокоительнымъ врачевствомъ для ихъ растерзаннаго горестію сердца.

«Слѣдующія затѣмъ виѣшнія обстоятельства были также не лучше... Деспотизмъ татарскій успѣлъ значительно проникнуть въ русскую жизнь. Правительство московское, поставивъ цѣлію утверженіе политической самостоятельности, мало обращало вниманія на развитіе и утверженіе внутренняго благосостоянія. Народъ не страдалъ теперь отъ набѣговъ татарскихъ, но онъ не менѣе страдалъ отъ внутренняго неустройства, отъ притѣсненія слабыхъ сильными, отъ злоупотребленій въ администраціи и судопроизводствѣ, отъ взяточничества и почти явнаго грабительства. Такъ текла жизнь нашего народа; такъ жило все общество русское. Припомнимъ времена Іоанна III и Іоанна Грознаго, и мы поймемъ, что ни одинъ, даже бояринъ русскій, не могъ надѣяться на безопасность своего состоянія и самой жизни. Все жило въ страхѣ царской опалы. Эти обстоятельства, отталкивавшія душу русскаго человѣка отъ привязанности къ жизни общественной, тѣмъ сильнѣе направляли ее къ вѣрѣ, какъ къ независтному источнику внутренняго утѣшенія среди виѣшнихъ скорбей» (стр. 4—5.)

«Реформа Петра внесла въ Россію другую жизнь, жизнь несогласную съ началами православія. Высшее общество пошло по новому пути, и въ круговоротѣ свѣтско-германской жизни забыло о древнецерковной жизни предковъ. Простой народъ чутьемъ узналъ объ опасности для своей вѣры, отшатнулся отъ новыхъ порядковъ и захотѣлъ,

во что бы то ни стало, остаться русскимъ человѣкомъ въ прежнемъ значеніи слова. Кромѣ опасности для вѣры, эта новая цивилизація принесла съ собою новые налоги и тягости. Такимъ образомъ совершилось болѣзненное раздѣленіе между высшимъ русскимъ обществомъ и народомъ. Тягости общественной жизни, оторванность отъ высшаго класса остановили ходъ въ духовномъ развитіи народа. Онъ погрузился въ нравственную дремоту, жилъ одними преданіями старины и чрезъ то, между прочимъ, обогатилъ себя немало долею предрасудковъ и суевѣрій, какъ это особенно стало видно между раскольниками. Но, за эту дорогую цѣну онъ сберегъ прежнюю горячую привязанность къ вѣрѣ и церкви» (стр. 6). «Обратите вниманіе, продолжаетъ авторъ, на многочисленныя путешествія нашего народа ко святымъ мѣстамъ. Вглядитесь въ ту силу, которая побуждаетъ его предпринимать тысячевѣрствныя странствованія для того только, чтобы поклониться св. мощамъ печерскимъ или соловецкихъ угодниковъ, послушать службы Божіей, совершаемой съ большимъ благоговѣніемъ и благолѣпіемъ, чѣмъ въ сельскихъ и городскихъ приходахъ. Конечно, и въ этомъ случаѣ бываетъ много частныхъ уклоненій и, подъ часъ, злоупотребленій; но для насъ важно здѣсь собственно проявленіе той силы, которою такое явленіе совершается, т. е. проявленіе чувства религіознаго, какъ отличительной черты народнаго характера» (стр. 7—8). Въ этомъ-то нравственно-религіозномъ характерѣ русскаго народа и видитъ Г. Ивановскій возможность вліанія священника на простаго русскаго человѣка.

«Все это, говоритъ далѣе авторъ указываемой нами статьи, пожалуй и правда, но можетъ явиться и дѣйствительно является такой вопросъ, самое-то духовенство наше способно ли оказывать нравственное вліаніе на народъ?» (стр. 8).

Въ итогѣ разсужденій Г. Ивановскаго касательно сего предмета выходитъ то заключеніе, что духовенство спо-

соби́те всѣхъ людей свѣтскаго сословія сблизиться съ народомъ... «Кто не знаетъ, говорить онъ, что между нашимъ свѣтскимъ обществомъ и народомъ бездна непроходимая? Народъ живетъ церковными началами и преданіями священной старины; онъ духовно питается обрядами и богослуженіемъ Церкви; мы увлекаемся новизною и оригинальностью мысли, живемъ идеями, очень часто невыдерживающими и легкой богословско-церковной критики. Сторона церковно-обрядовая и вообще религиозная внѣшность представляется намъ чѣмъ-то неважнымъ. Но что всего важнѣе, при этихъ различныхъ направленіяхъ, въ насъ недостаетъ любви христіанской и происходящаго отсюда уваженія къ тѣмъ людямъ, которые несогласны съ нами въ своихъ убѣжденіяхъ. Поэтому мы нерѣдко смотримъ на простой народъ какъ на людей, зараженныхъ одними предрасудками и суевѣріями, и необладающихъ и малою долею истины; и что всего хуже—этимъ любезными именами мы называемъ такія вещи, которыя утверждены авторитетомъ, несравненно высшимъ, чѣмъ нашъ собственный. Народъ съ своей стороны не остается также въ долгу и платится подобными же любезностями. Всякій знаетъ, что мы, въ глазахъ простаго народа, пѣмцы, нѣтъ въ насъ ни русской вѣры, ни русскаго духа. Скажите, можно ли тутъ искать нравственнаго сближенія между обществомъ и народомъ?»... (стр. 11)

Если теперь, посмотримъ мы на наше духовенство, то увидимъ, что оно имѣетъ на своей сторонѣ всѣ удобства къ сближенію съ народомъ и къ нравственному на него вліянію. Мысль, что духовенство наше есть сословіе замкнутое, имѣетъ еще нѣкоторый смыслъ въ отношеніи къ высшему обществу, съ которымъ оно большею частію независимо отъ себя самаго, не имѣетъ почти ничего общаго, такъ какъ является среди него только по обязанностямъ своего званія...» (стр. 12).

«Что же касается отношенія духовенства къ простому народу, то обвинять его въ замкнутости отъ народа, зна-

читать слишком мало присматриваться къ дѣйствительной жизни... Духовенство, въ этомъ случаѣ, имѣетъ почти исключительное преимущество предъ всѣми другими со-словіями. Священники наши, за самымъ малымъ исключеніемъ, дѣти сельскаго духовенства. Они родились и выросли среди народа. Въ дѣтствѣ у нихъ былъ свой кружокъ изъ крестьянскихъ дѣтей, съ которыми у нихъ были общія игры, радости и печали. Правда разные жизненные пути разлучаютъ ихъ. Мальчика духовнаго званія отвезать въ губернской или уѣздный городъ въ школу; товарищей его усаживаютъ тоже за азбуку или за какое либо ремесло. Но эта разлука долго не въ состояніи изгладить живыхъ впечатлѣній дѣтства. Притомъ въ извѣстныя времена они имѣютъ возможность видѣться между собою. Мальчикъ, изъ духовныхъ учениковъ, по приѣздѣ на каникулярное время, бѣжитъ прежде всего къ своимъ прежнимъ товарищамъ, спрашиваетъ про ихъ занятія, рассказываетъ про свою, большею частію не совсѣмъ правящуюся ему жизнь и т. п. Такъ образуется и развивается связь между дѣтьми церковнослужителей и крестьянскими мальчиками. Такія безхитростныя отношенія семинаристовъ къ своимъ деревенскимъ сверстникамъ продолжаются иногда до самаго окончанія курса; тѣмъ болѣе, что рѣдкіе изъ нихъ въ теченіе семинарскаго курса приобрѣтаютъ порядочное, увлекающее ихъ знакомство въ городахъ, такъ какъ большую часть времени проводятъ въ стѣнахъ школы» (стр. 13—14).

«Народъ всегда съ большимъ довѣріемъ обращается къ священнику, чѣмъ къ кому либо другому. Это довѣріе народа къ духовенству выразилось и въ наше время по поводу учрежденія народныхъ школъ. Извѣстно, что инициатива этаго дѣла принадлежитъ людямъ свѣтскимъ. Палата государственныхъ имуществъ съ своими чиновниками и властями, да волостные головы и старшины съ ихъ писарями, вотъ блюстители и распорядители въ сельской школѣ. Какъ же относится народъ къ этимъ школамъ, повидимому,

самымъ народнымъ? Онъ долженъ бы полюбить людей, заботящихся о его образованіи; потому что большинство его любитъ самое ученіе,—онъ не долженъ бы обращать теперь своихъ взоровъ къ священникамъ, которые остаются какъ будто въ сторонѣ. Между тѣмъ достоверно извѣстно, что большинство народа холодно относится къ этимъ школамъ, и весьма многіе обращаются просительно къ приходскимъ священникамъ за наукою. (стр. 17). «Справедливость, такъ оканчиваетъ авторъ статью свою, требуетъ однако замѣтить, что во многихъ приходяхъ духовенство наше не только не пользуется нравственнымъ довѣріемъ и уваженіемъ со стороны народа, но подчасъ служитъ даже предметомъ глумленія. Гдѣ причина этого? Намъ кажется, что главная причина этого заключается въ матеріальномъ бытѣ духовенства. Мы знаемъ, что въ семинаріяхъ нашихъ есть много свѣтлыхъ головъ и сильныхъ характеровъ, способныхъ приносить великую нравственную пользу людямъ. Мы сами слышали, какъ молодые люди, при выходѣ изъ семинаріи на приходъ, думали посвятить всѣ свои силы для высокаго служенія Церкви и нравственнаго усовершенствованія пасомыхъ. И нельзя сказать, чтобы это были одни мечты празднаго воображенія; нѣтъ, въ отношеніи къ большинству лицъ это составляло сознательное стремленіе — служить Богу и людямъ отъ всей души, по мѣрѣ силъ своихъ. Но вотъ молодой человѣкъ дѣлается священникомъ и поступаетъ на приходъ. На первыхъ же порахъ его встрѣчаетъ крайняя недостаточность средствъ содержанія, и первая его забота должна быть о снисканіи насущнаго хлѣба. Съ года на годъ увеличивается семейство священника, а съ этимъ увеличиваются и заботы о его матеріальныхъ средствахъ. Такимъ образомъ, всѣ его великолѣпные планы, время отъ времени, разбиваются въ прахъ. Высокое пастырское служеніе отодвигается на задній планъ, и заботы о матеріальныхъ средствахъ поглощаютъ у священника едва не все время. Онъ начинаетъ смотрѣть на приходъ, не какъ на общество людей, о нравственномъ воспитаніи которыхъ онъ долженъ заботиться, а какъ на официальное мѣсто,

изъ котораго ему надобно извлекать матеріальныя средства. Какъ ни тяжель бываетъ такой переломъ во взглядѣ на самаго себя и на свое служеніе—для горячей, идеальной головы; но къ сожалѣнію, онъ совершается очень часто.» (стр. 27—28).

Мы знали одного изъ воспитанниковъ семинаріи—молодаго человѣка, очень даровитаго, любящаго трудъ, скромнаго по своей жизни и привязаннаго къ пастырскому званію—человѣка, который очень часто предъ своими друзьями серьезно высказывалъ намѣреніе всего себя посвятить пастырскому служенію. Годъ спустя послѣ того, какъ окончилъ онъ семинарскій курсъ и поступилъ на приходъ, намъ пришлось снова встрѣтиться съ нимъ; но нерадостна была эта встрѣча. Мы увидѣли не прежняго восторженнаго ревнителя пастырскаго долга, а человѣка избитаго нуждами жизни и помышляющаго почти только о хлѣбѣ насущномъ. Когда зашла рѣчь о ревностномъ служеніи священника дѣлу вѣры и благочестія, — когда естественно стали мы припоминать прежніе его планы; вотъ что сказалъ онъ: «Вы раскрыли мою сердечную рану. Было время, когда я жилъ мыслію приносить нравственную пользу людямъ; я носился съ этою мыслію, я делѣялъ ее какъ любимое дитя. Но, сказать ли вамъ, это была одна мечта неопытнаго юноши. Дѣйствительность встрѣтила меня гораздо суровѣе, чѣмъ какъ я думалъ. Нашъ бытъ на столько неудовлетворителенъ, что мнѣ пришлось съ самаго поступленія на приходъ бороться съ крайнею бѣдностію. Повѣрите ли, что въ теченіе этого года я не одинъ разъ ложился спать безъ ужина, или довольствовался только чернымъ хлѣбомъ; весьма часто не имѣлъ 10 коп., чтобы послать вамъ приготовленное письмо. Скажите, могутъ ли, при такой обстановкѣ, занимать и увлекать человѣка какія либо высокія цѣли? И вы видите, что нужда сломила меня. Правда, я и теперь ношусь еще съ прежними мыслями, но отлагаю осуществленіе ихъ до болѣе благопріятнаго времени, когда буду видѣть, по крайней мѣрѣ, что жена и дѣти мои

сыты. Миѣ тяжело и подумать, что жизнь сломить меня окончательно!» (стр. 29—30).

Въ повѣствовательномъ отдѣлѣ Странника содержатся некрологи почившихъ архипастырей русской церкви, рассказы о жизни разныхъ лицъ, обращавшихъ на себя вниманіе православнаго русскаго общества своимъ благочестіемъ и религіозными подвигами, о разныхъ чудесныхъ событіяхъ, свидѣтельствующихъ о Промыслѣ Божіемъ и проч. Для примѣра приведемъ рассказъ священника Александра Приклонскаго объ одномъ случаѣ прозорливости и предсказанія о. Серафима іеромонаха и затворника Саровской пустыни, почитаемаго въ нашей епархіи и, записанное, почившимъ въ Бозѣ, архіепископомъ Рязанскимъ Гавріиломъ, и чудесное исцѣленіе одной дѣвицы, совершившееся въ Нижнемъ-Новгородѣ въ святой день Воскресенія Христова 1821 года.

«Августа 6-го 1830 года, говоритъ о. Приклонскій, родительница моя, села Глухова діаконица, Анастасія, пошла въ погребъ, стоявшій на улицѣ противъ дома. Подходя къ погребу, она почувствовала въ себѣ боль, и въ ту же минуту упала; у ней стало сводить руки и ноги. Болѣзнь эта стала развиваться быстро. Съѣхавшіеся по сему случаю родственники больной дали моему родителю, діакону Іоанну, совѣтъ, немедленно отправиться въ Саровскую пустынь (*), отстоящую отъ села Глухова (***) въ 25-ти верстахъ, къ о. Серафиму, который былъ тогда въ преклонныхъ лѣтахъ. Отецъ мой, надѣясь на свои крѣпкія силы, отправился пѣшкомъ. Съ чувствомъ глубокой скорби и съ живѣйшимъ желаніемъ узнать участь своей жены отъ челоуѣка Божія, онъ не шель,

(*) Саровская пустынь, Тамбовской губерніи, Темниковскаго уѣзда.

(**) С. Глухово, Нижегородской губерніи, Ардатовскаго уѣзда.

а летѣлъ въ Саровскую пустынь. Уже Саровъ открылся предъ его гл зами; онъ началъ удвоивать шаги, чтобы застать о. Серафима въ кельѣ до начатія всенощной. Узнавъ въ пустыни, что о. Серафимъ находится въ своей пустынной кельѣ, онъ отправился туда. Въ полуверстѣ отъ пустыни отецъ мой встрѣтился съ нимъ. При встрѣчѣ съ отцомъ моимъ, о. Серафимъ выпрямился, и, протянувъ къ нему руки, воскликнулъ: «охъ! какая бѣда то ко мнѣ идетъ: люди надъ людьми что дѣлаютъ». Отецъ мой хотѣлъ было высказывать свою печаль, какъ о. Серафимъ прервалъ его рѣчь. «Знаю, знаю. Читай за мной», сказалъ ему о. Серафимъ, взявъ за правую руку: «вѣрую, Господи, и исповѣдую, яко ты еси воистинну Христесь, Сынь Бога живаго, пришедый въ мѣръ». Остановившись на этомъ словѣ, онъ повторилъ до трехъ разъ то же самое; потомъ началъ говорить о милосердіи Божиемъ къ людямъ, о надеждѣ на Бога. Между тѣмъ въ пустыни заблаговѣстили ко всенощному бдѣнію. «Ступай» заключилъ о. Серафимъ, благословляя моего отца, «отстой всенощную, а лекаря Богъ пошлетъ; онъ отъ васъ недалеко живетъ; жена твоя выздоровѣетъ, а послѣ всенощной отправляйся домой; здѣсь непочуй, ты дома пужень». — «Да кто же этотъ лѣкарь, батюшка, вы скажите?» сказалъ мой отецъ. — «Ступай ко всенощной, лекаря Богъ пошлетъ», повторилъ о. Серафимъ. «Да скажите, гдѣ хоть онъ живетъ, батюшка», снова спросилъ мой отецъ. — «Ступай ко всенощной», отвѣтилъ о. Серафимъ; «лекаря Богъ пошлетъ». Отстоявъ всенощную, по приказанію о. Серафима, отецъ мой въ глухую полночь, отправился домой одинъ одиноконекъ, соблюдаемый въ дремучихъ лѣсахъ и полѣ отъ хищныхъ звѣрей и злыхъ людей молитвами о. Серафима».

«Въ домѣ ожидали моего отца съ нетерпѣніемъ, потому что больной становилось все хуже да хуже: руки пригнуло назадъ къ спинѣ, пальцами къ самой шеѣ, а колѣна ногъ къ передней части шеи; пальцы на рукахъ и ногахъ также страшно корчило; всѣ окружающіе отчаява-

лись въ ея жизни; а потому святыми таинствами приготовили ея къ смерти. По приходѣ моего отца въ домъ, родные долго разсуждали о томъ, кто такой лѣкаръ, и гдѣ живетъ, но не могли добраться. Изъ постороннихъ кто-то, вслушавшись въ ихъ разговоръ, сказалъ: «въ деревнѣ Бабинѣ (въ 6-ти верстахъ отъ Глухова), есть женщина Афирья, которая лѣчитъ травами» (*). Привезли эту крестьянку: какой-то травы она положила въ горшокъ, вскипятила, дала больной выпить стаканъ этого настоя; на четверть часа больная уснула, тогда какъ, со времени открытія болѣзни, вовсе не спала; видно было, какъ руки и ноги стало разводить. По пробужденіи, Афирья дала больной другой стаканъ того же настоя; больная опять уснула и покрѣпче, и подольше: наконецъ, послѣ приѣма третьяго стакана, больная спала очень долго. Во время сна всѣ члены скорченные пришли въ нормальное положеніе, и больная проснулась уже здоровою, и способною къ обыкновеннымъ своимъ трудамъ. Такъ скоро и очевидно сбылось предсказаніе о Серафима!»

«Родители мои оба живы и съ клятвою увѣряютъ въ достовѣрности этого событія». (Октябрь стр. 17—19.)

О чудесномъ исцѣленіи дѣвицы совершившемся въ Нижнемъ Новгородѣ, покойный преосвященный Гавріиль оставилъ въ своихъ автографахъ слѣдующія свѣдѣнія:

«Исцѣлѣвшая тридцатипятилѣтняя дѣвица Ирина Андреева жила въ приходѣ Благовѣщенскаго собора, въ домъ роднаго брата своего, титулярнаго совѣтника Кесарія Андреева *Гулимова*. По удостовѣренію родственниковъ ея и сосѣдей, на семнадцатомъ году своей жизни она сдѣлалась больна горячкою и ломотою въ головѣ,

(*) Эта крестьянка лѣчила съ благословенія о. Серафима, и вела жизнь строгую, благочестивую.

при чемъ изъ ушей ея текла сильная матерія, и потомъ выпала заушная косточка. Таковая болѣзнь продолжалась у ней около года; и хотя она получила облегченіе, но стала мало слышать и тупо говорить. Въ такомъ положеніи была она до тридцать перваго года своей жизни, чувствуя въ головѣ своей почти всегдашнюю боль. Впрочемъ при всей слабости здоровья, она занималась портнымъ мастерствомъ какъ для себя, такъ и для другихъ; но съ 29 числа августа 1817 года начала чувствовать въ здоровьѣ большой упадокъ, а наконецъ лишилась и зрѣнія, и слуха, и языка, и ногъ. Въ такомъ увѣчномъ состояніи она находилась три года и семь мѣсяцевъ, такъ что, даже съ помощію другихъ, едва могла приподняться, чтобы сѣсть на постели, прислонившись къ стѣнѣ, а сидѣть на постели просто и сходить со всеѣмъ не могла. Когда нужно было, носили ее на рукахъ, пишу брала она изъ постороннихъ рукъ ошунью, а въ случаѣ какой либо просьбы, давала знать, стуча рукою и мыча ртомъ. И въ самый день свѣтлаго Воскресенія Христова лежала она на томъ же болѣзненномъ одрѣ своемъ, съ матерью, которая при старости служила ей, безъ всякой надежды на ея выздоровленіе. Но вдругъ, въ этотъ самый день, страдалица почувствовала легкость въ ногахъ, облегченіе въ головѣ, свѣтъ въ глазахъ, свободу въ языкѣ, способность слышать. Въ неизрѣченной радости, она встала съ постели—сама по себѣ, и пошла въ ближайшую горницу, гдѣ первый попавшійся ей предметъ былъ зеркало, въ которомъ увидѣвъ себя, она сказала: «какъ похудѣла! будто мертвая!» Мать ея, вида, что она ходитъ и говорить, отъ недоумѣнія едва могла сдѣлать ей нѣсколько вопросовъ. Когда же спрашивала ее объ образѣ такого скорого освобожденія отъ болѣзни, исцѣлѣвшая рассказала, что, за нѣсколько дней до праздника свѣтлаго Воскресенія Христова, было ей во снѣ видѣніе. Видѣла она себя въ нѣкоемъ храмѣ, коего красота выше всякаго описанія, и видѣла въ немъ нѣкоего мужа, читавшаго книгу, украшенную золотомъ. Этотъ мужъ, думаетъ она, былъ Іоаннъ Креститель; ибо лицо его весьма похоже

на образъ Іоанна Брестителя, находящійся въ ея комнатѣ, коему она всегда мысленно молилась. Мужъ сей благословилъ ее, и послалъ къ другому, тутъ же находившемуся, мужу, чрезвычайнаго величія и красоты, въ архіерейскомъ облаченіи, стоящему на амвонѣ и держащему въ десницѣ своей крестъ. Архіерей повелѣлъ ей приблизиться къ себѣ; но она, въ трепетѣ отъ его величія, не могла ступить съ мѣста. Воодушевленная первымъ мужемъ, и слыша вторичное повелѣніе отъ архіерея, она со страхомъ приблизилась къ нему, и пала къ стопамъ его. Въ это время увидѣла она на ногахъ его по глубокой ранѣ, а потомъ — таковыя же раны и на рукахъ. Онъ благословилъ ее крестомъ, приклонился къ ея уху, и сказалъ; «страданія твои кончились; въ день воскресенія Мсего ты будешь здорова».

«Послѣ сего видѣнія она имѣла другое, именно — за нѣсколько часовъ до нынѣшняго ея выздоровленія. Видѣла она, также во снѣ, пришедшую къ ней необыкновенной красоты дѣвицу, которая привѣтствовала ее съ праздникомъ Воскресенія Христова обыкновеннымъ выраженіемъ: *Христосъ воскресъ!* и, облобызавъ ее, сдѣлалась невидимою. Проснувшись послѣ сего послѣдняго видѣнія, она почувствовала себя совершенно здоровою.

«На другой день свѣтлаго воскресенія, она сама собою, при стеченіи многочисленнаго народа, ходила въ соборную Архангельскую церковь слушать обѣдню, и потомъ слушала благодарственный молебенъ Господу Богу, воздвигшему ее отъ одра болѣзни». (Апрѣль стр. 72—74).

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

О ПРОДОЛЖЕНІИ ВЪ 1866 ГОДУ ИЗДАНІИ:

ДУХОВНАГО УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНАГО ЖУРНАЛА

«СТРАННИКЪ»

И ГАЗЕТЫ

„СОВРЕМЕННЫЙ ЛИСТОКЪ“

ПОЛИТИЧЕСКИХЪ, ОБЩЕСТВЕННЫХЪ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ИЗВѢСТІЙ.

Современное религиозно-правственное состояніе русскаго общества, вызвавшее въ 1860 году появленіе ит поприщѣ отечественной духовной журналистики — новаго органа подъ именемъ «Странника», требуетъ продолженія его дѣятельности и въ будущемъ году. Таково не только личное наше убѣжденіе, но еще болѣе — убѣжденіе огромнаго числа нашихъ читателей. Уступая этому требованію нравственнаго долга, налагаемаго на насъ священнымъ нашимъ призваніемъ, мы рѣшились и въ слѣдующемъ 1866 году продолжать изданіе своего журнала по тойже одобренной святѣйшимъ Синодомъ программѣ, по которой онъ издается уже шестой годъ. Программа наша, по милости Божіей, осуществляется каждою мѣсячною книжкою «Странника», и этимъ обязаны мы неистощимому усердію ко благу вѣрующихъ — со стороны лицъ разнаго сословія, особенно же многихъ достопочтенныхъ служителей алтаря Господня, которые опыты духовныхъ своихъ наблюденій и размысленій о великихъ дѣлахъ Божіихъ доставляютъ намъ со всѣхъ сторонъ нашего отечества. Несомнѣнно уповаемъ, что искреннее сочувствіе къ «Страннику» и дѣятельное участіе въ его трудахъ не оскудѣетъ въ нашихъ собратіяхъ и на будущее время, о чемъ и просимъ ихъ усердѣйше, во имя общей матери нашей —

святой православной Церкви, и во славу единого главы
ся, Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа.

Не смотря на тяжкое семейное испытаніе, которымъ
премыслу Божію угодно было посѣтить насъ, и которымъ
въ началѣ текущаго года приостановленъ былъ своевре-
менный выпускъ книжекъ «Странника», — мы при помо-
щи Божіей, постепенно достигли, наконецъ, того, чего
такъ давно желали наши подписчики, — именно, чтобы
каждая мѣсячная книжка нашего журнала могла выходить
здѣсь въ С.-Петербурѣ, въ началѣ мѣсяца. Такъ ны-
нѣшняя сентябрьская книжка вышла у насъ въ началѣ
сентября, октябрьская — въ началѣ октября. Желая упро-
чить этотъ порядокъ на будущее время, мы по совершен-
ному недостатку у насъ лишняго времени не рѣшаемся
и въ наступающемъ году издавать прибавочныхъ томовъ
«Проповѣдей», ни «Чтенія для дѣтей», какъ было въ
1863 и въ 1864 годахъ. Съ другой стороны, надѣясь
своевременностію выпусковъ журнала угодить своимъ под-
писчикамъ, просимъ ихъ самихъ содѣйствовать къ тому
на будущій годъ — благовременностію подписки. Если под-
писка получается нами въ ноябрѣ, или по крайней мѣрѣ
въ началѣ декабря, то мы безъ затрудненія можемъ ис-
подоволь заготовить на весь годъ печатные адреса, рас-
предѣлять подписчиковъ по трактовымъ книгамъ, и т. д.,
и за тѣмъ тотчасъ по выпускъ первой книжки — заняться
отправкою ея. Не менѣе важна для насъ благовременная
подписка и въ томъ отношеніи, что, судя по числу по-
ступившихъ до половины декабря пренумерантовъ, мы мо-
жемъ приблизительно опредѣлить, въ какомъ числѣ эк-
земпляровъ должны печатать свой журналъ. Конечно,
нельзя обойтись безъ печатанія и запасныхъ экзempla-
ровъ; но запасы несоразмѣрны — для редакціи разори-
тельны, а недостаточное ихъ число для самыхъ подпис-
чиковъ бываетъ неприятно, что испытано нами особенно
въ первый годъ изданія нашего журнала.

Читателямъ нашимъ извѣстно, что съ 1-го января
1864 года въ собственность редакціи «Странника» по-
ступила и — основанная по ея же мысли въ 1863 году,

хотя и состоящая подъ особою редакціею (А. И. Поповицкаго), газета: «Современный Листокъ» политическихъ, общественныхъ и литературныхъ извѣстій. Сочувствіе большинства читателей нашего журнала къ этой газетѣ, доказало намъ, что мы не ошиблись, предпринявъ ея изданіе. Сособная читателямъ факты изъ области общественной жизни, политики и литературы, и въ то же время не разрушая, а поддерживая и развивая нравственно-религіозныя убѣжденія въ своихъ читателяхъ, «Современный Листокъ» донынѣ не упускалъ безъ вниманія и не будетъ упускать ни одного болѣе или менѣе важнаго явленія въ ходѣ общественной жизни, если оно имѣетъ какое либо отношеніе къ руководящимъ его началамъ. Онъ старается быть по возможности, полнымъ въ сообщаемыхъ имъ извѣстіяхъ; но при этомъ не терлетъ изъ виду главной своей цѣли — удержать значеніе органа нравственно-религіозныхъ началъ въ литературѣ и обществѣ. Этимъ старается онъ удовлетворить какъ свѣтскимъ своимъ читателямъ, такъ особенно духовнымъ, которые заявили намъ о своемъ желаніи имѣть въ своемъ распоряженіи газету, не чуждающуюся вопросовъ, относящихся къ ихъ быту. Въ «Современный Листокъ» вошло очень много статей, касающихся вопроса объ улучшеніи быта духовенства, объ участіи духовенства въ дѣлѣ народнаго образованія, о выборномъ началѣ, о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ въ церковной практикѣ, и т. п. Такія и подобныя статьи «Современный Листокъ» будетъ представлять общему вниманію и въ будущемъ году, и мы надѣмся, что лица духовнаго званія не откажутъ ему въ своемъ содѣйствіи, сообщеніемъ разнаго рода замѣтокъ и корреспонденціи, входящихъ въ его программу.

Условія подписки на каждое изъ нашихъ повременныхъ изданій, или на оба вмѣстѣ, остаются прежнія, а именно: 1) за годовое изданіе «Странника», состоящее изъ 12-ти книжекъ, со всѣми приложеніями, портретами, и т. под., съ пересылкою во всѣ почтовые мѣста имперіи, *четыре рубля серебромъ*; 2) за годовое изданіе «Современнаго Листка», состоящее изъ 104 нумеровъ

(эта газета выходитъ два раза въ недѣлю), съ пересылкою во все почтовые мѣста, также *четыре рубля серебромъ*; 3) для подписывающихся на «Странникъ» и «Современный Листокъ» вмѣстѣ, годовая плата на послѣдній понижается до *трехъ рублей*, и такимъ образомъ за оба изданія журналъ и газету слѣдуетъ высылать *семь рублей серебромъ*.

Желающіе могутъ выписывать полныя годовыя изданія «Странника» за 1860, 1861, 1862, 1863, 1864 и нынѣшній 1865 годы, со всеми бывшими при нихъ приложениями, а также прибавочные томы «Проповѣдей и томы Чтенія для дѣтей», изданія 1863 и 1864 годовъ (всего 4 тома).

Цѣна остается прежняя—за каждый годъ журнала: *3 р. 50 к.* безъ пересылки, и *4 р. сер.* съ пересылкою; а за каждый томъ либо «Проповѣдей», либо «Чтенія для дѣтей»—по *1 р. сер.* Но кто пожелаетъ выписать изданіе журнала вдругъ за пять или за шесть лѣтъ, тому оба тома «Проповѣдей» и оба тома «Чтеніе для дѣтей» будутъ высланы въ придачу, безмездно.

Гг. иногородные благоволятъ адресоваться *исключительно* такъ: *Въ редакцію духовнаго журнала «Странникъ» въ С.-Петербургъ.*

Редакторъ и издатель: *Протоіерей Василій Гречулевичъ.*

НАРОДНАЯ ГАЗЕТА

съ 1-го января 1866 года

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Выходитъ еженедѣльно (кромѣ Пасхи и недѣли Рождества).—Цѣна съ приложениями и пересылкою 2 руб. сер.

Содержаніе газеты остается тоже самое, т. е:

Статьи касающіяся общественнаго благоустройства.—
Правительственныя распоряженія.—Внутреннее обозрѣніе:

торговля, промышленность, сельское хозяйство, грамотность, обзоръ жизни и дѣятельности въ столицахъ и провинціяхъ, пути сообщенія, цѣны на жизненные припасы и наемъ рабочихъ. — Разныя извѣстія, какъ внутреннія, такъ и иностранныя. — Народная медицина, совѣты и предложенія. — Хозяйственныя, литературныя и другія замѣтки, новости и слухи. — Описанія: мѣстностей, нравовъ, обычаевъ, а также полезной дѣятельности лицъ, имѣющей вліяніе на развитіе народнаго образованія, городское или сельское благоустройство, торговлю, промышленность и проч. — Разказы изъ обыденной жизни. — Корреспонденція. — Объявленія.

Иногороднимъ подписчикамъ на «Народную Газету» редація предлагаетъ обращаться къ ней за доставленіемъ разныхъ закономъ дозволенныхъ свѣдѣній изъ мѣстъ и отъ лицъ, на которыя они укажутъ, безъ всякой за то платы; но съ приложеніемъ почтовой марки для отвѣта. Такого рода порученія будутъ удовлетворяться, смотря по трудности ихъ выполненія, отъ одного раза въ годъ и болѣе для каждаго подписчика.

При № 1-мъ подписчики получаютъ большой портретъ Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича.

Всѣ требованія адресуются въ С.-Петербургъ, въ Редакцію журнала «Грамотѣй» и «Народной Газеты».

Редакція помѣщается близъ Садовой по Екатерининскому проспекту въ д. Малиновскаго № 7-й.

Редакторъ-издатель *И. Кушнеревъ.*

НАРОДНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ГРАМОТѢЙ.

Принятый въ народныхъ школахъ и училищахъ и по разсмотрѣніи Духовно-Учебнымъ Управленіемъ признанный полезнымъ, не только для церковно-приходскихъ и уѣзд-

ныхъ духовныхъ училищъ, но даже и для семинарій, — вступая съ октября мѣсяца 1865 г. въ *пятый годъ* своего существованія будетъ издаваться по прежней программѣ, т. е. заключать въ себѣ слѣдующее:

I. Статьи религіознаго содержанія.

II. Разказы изъ Русской исторіи. — Землеописаніе. — Описаніе животныхъ и растений, преимущественно нашихъ, отечественныхъ, съ указаніемъ ихъ пользы или вреда. — Объясненіе различныхъ явленій природы и тѣхъ полезныхъ открытій, изобрѣтеній и нововведеній по сельскому и домашнему хозяйствамъ, которыя могутъ быть примѣнены безъ особенныхъ затратъ къ разнообразной промышленности нашего народа; а также объясненіе болѣе употребительныхъ и болѣе выгодныхъ ремеслъ и производствъ заводскихъ и фабричныхъ.

III. Все относящееся до распространенія въ народѣ грамотности, съ указаніемъ для учащихся болѣе простыхъ и болѣе вѣрныхъ приемовъ, испытанныхъ на дѣлѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ «Грамотѣй» будетъ содѣйствовать къ искорененію въ нашемъ простонародіи: предразсудковъ, ложныхъ понятій и суевѣрія.

IV. Совѣты относительно сбереженія и возстановленія здоровья посредствомъ опрятности, воздержанія и тѣхъ простыхъ лекарствъ, которыя имѣются подъ руками во всякой деревнѣ.

V. Разныя извѣстія, сообщаемыя съ разныхъ сторонъ Россіи относительно мѣстныхъ занятій, а также и тѣ случаи, которые, какъ примѣры, могутъ имѣть полезное вліяніе на нравственную сторону жизни нашего народа.

VI. Повѣсти и разказы изъ народнаго быта (въ прозѣ и стихахъ), сказки, анекдоты и жизнеописанія замѣчательныхъ русскихъ людей.

Приложенія къ журналу будутъ состоять изъ рисунковъ хозяйственныхъ и портретовъ историческихъ личностей.

— При одной из книжекъ будетъ приложенъ портретъ **Е. И. В., Великаго Князя Михаила Николаевича, Намѣстника Кавказскаго.**

Годовое изданіе заключается изъ шести книгъ, которыя выходятъ: въ октябрѣ, декабрѣ, февралѣ, апрѣлѣ, іюнѣ и августѣ.

Подписная цѣна съ пересылкою и приложеніями 2 р. с.

— Всѣ требованія адресуются въ С. Петербургъ въ Редакцію журнала «Грамотѣй» и «Народной Газеты».

Редакторъ-издатель **И. Куинперевъ.**

ОПЕЧАТКИ. Въ № 18 Епарх. вѣдомостей въ статьѣ «очерки миеологии» допущены слѣдующія опечатки:

Стр. строк.

9. 3 (сниз.) вездѣ присутствія вмѣсто вездѣприсутствія.
10. 1 (сниз.) gehen нѣмецк. напечатано делен.
11. 1-2 (сниз.) словопроизводство Хорса: вмѣсто хрс, хрш, крш, кореш напечатано хре, хрис, крис, корене.
12. 14 (сниз.) печаемымъ вмѣсто негасимымъ
13. 11 - народѣ вмѣсто нарядѣ,
15. 11 чей вмѣсти гей,
18. 15 (сниз.) сбить вмѣсто убить,
20. 15 разграбителемъ вмѣсто разгребателемъ,
22. 10, 14, 18 Слѣзы вмѣсто слѣды.
28. 4 (сниз.) угладить вмѣсто усладить
28. 7 (сниз.) отгноить вмѣсто отогнать

СОДЕРЖАНІЕ: Очерки изъ исторіи Славянской миеологии. — Начало и распространеніе раскола въ предѣлахъ Нижегородскихъ. — Духовная журналистика. — Объявленія.

Дозволено цензурой 6-го октября 1865 года.

Редакторы: Инсп. сем. Прот. **А. Стекловъ** и
Проф. **Г. Полсадовъ.**

нижній-новгородъ; въ ГУБЕРНСКОЙ ТИПОГРАФІИ.